

Александр Мипрнра

УЛЬТРАФЕН

книга 1

Роман

Автор рисунка: Мирнов Александр мл

Александр Миронов

Ультрафен-1

«Автор»

2002

Миронов А. Л.

Ультрафен-1 / А. Л. Миронов — «Автор», 2002

В романе 5 частей. Пропал человек. Ведётся его поиск. По этому делу работает капитан Феоктистов (он же Граф – прозвище). Поиск сводит его с хирургом патологоанатомом и изобретателем Бердюгиным, который показывает ему свое изобретение и предлагает с его помощью провести ряд исследований. Но поскольку прибор не аттестован, не зарегистрирован, то просит проводить эту работу скрытно. Так они и проделывают. По двум делам находят настоящих убийц, позже, и третьего. Но, первое и третье убийство, затрагивают “честь и достоинство” правоохранительных органов, партийную элиту. По этой причине к расследованиям подключаются люди из прокуратуры города и области, скорее, с целью "замять" первое дело. Граф выходит на одного из руководителей местного предприятия самого большого и не только области, но и страны. Выходит на бывшего прокурора республики Бурятия, где тот немало “потрудился” в бериевские времена и, по-видимому, имел за собой тёмные пятна за душой, которые он не хотел бы высвечивать.

© Миронов А. Л., 2002

© Автор, 2002

Содержание

Майск.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Миронов

Ультрафен-1

Часть Первая

Май. 1977 год

Москва. Ярославский вокзал.

Ночь. Слышны редкие объявления о прибытии и убытии поездов. Вызовы служащих вокзала... Одни пассажиры прибывают, другие убывают. Неспешная ночная сутолока. Люди спят: кто на сиденьях, кто на вещах возле стен и окон, кто на полу, подстелив под бока газеты. Поезда, по не понятным для пассажиров причинам, задерживаются от часа до суток, и более.

Один из пассажиров, лет сорока, тёмно-русый, с лёгкой проседью, с приятными чертами лица волевого и сильного человека, спит в кресле, немного скатившись с сиденья, голова запрокинута на спинку, ноги вытянуты. Под рукой желтый полупустой портфель, на который он навалился боком и смял.

Сон у пассажира тяжёлый, и в зависимости от сновидений, лицо его меняется от переживаний.

Ему снится помещение старого дома, похожее больше на барак. В продолговатой комнате на столе стоит гроб. В гробу покойник в офицерском френче без погон. На груди наградные планки и нашивки за ранения. В комнате пусто и голо.

У стола возится мальчик. Ему четыре года. Он пытается дотянуться и посмотреть на того, кто лежит в гробу, он хочет увидеть его лицо. Ребёнок тянется из последних силёнок, и ему удаётся увидеть лишь половину лица: заострившийся нос, восковой лоб, сжатые губы, раздвоенный с ямочкой подбородок.

Он понимает, что это его отец. В его глазах недоумение и слезы, но мальчик не плачет. Он весь сосредоточен на своих усилиях. Ему очень хочется увидеть отца...

По залам ожидания по рядам пассажирских сидений проходит милицейский наряд, двое. Останавливаются. Их взгляды пробегают по спящим и бодрствующим пассажирам.

– Слушай, – говорит один другому, – этот мужик, которую ночь здесь ошивается.

Второй милиционер кивает и, подойдя к спящему, пинает его в подошву ботинка.

– Эй, дядя, хватит спать. Приехали.

Пассажир вскидывается и на доли секунды растерянно смотрит на стоящих перед ним милиционеров. Глаза его широко открыты, в них надревшие слёзы.

– Ваши документы?

Спавший встряхнул головой, прогоняя остатки сна, провёл рукой по лицу и тяжело вздохнул. Достал из кармана костюма паспорт, подал.

Милиционер, просматривая документ, спросил:

– Проездом?

– Да, ненадолго... Дня через три обратно.

– А что же на вокзале?

– В гостиницах мест нет.

Милиционер, как бы соглашаясь, кивнул и в то же время строго сказал:

– Но и на вокзале спать не положено.

– Я понимаю... Но ситуация такая. И остановиться негде.

– А вы что здесь, по делу?

– Да.

– И какому же? – спросил милиционер, постукивая паспортом по ногтю пальца.

– Да как вам сказать... На прием я... В ЦК партии.

– Фьюить!..

– Вызывали или сам?

– Сам.

– Значит, жаловаться.

Мужчина пожал плечами.

– Так уж выходит...

– Понятно, – по лицу блюстителя порядка пробегает ирония.

– Ну, так вот, гражданин, – сказал второй милиционер, – освободите вокзал. Здесь вам не ночлежка.

– Да-да, я понимаю... Сейчас, – заторопился гражданин, ещё раз стирая с лица сонливость, тревогу от сна и от неожиданной встречи с блюстителями порядка.

Мужчина принял поданный паспорт и, взяв святой им во время сна портфель, направился к выходу из вокзала, обходя спящих пассажиров. Сотрудники некоторое время смотрят ему вслед, потом тот, что проверял документы, сказал:

– Очередной жалобщик, склочник.

– Поразвелось их. Откуда?

– Из Сибири, из Майска.

– Сами не живут спокойно и другим не дают.

Милиционеры направляются дальше по залу, кое-где переступая через ноги спящих пассажиров. Некоторые из них бродячего вида. Но этот контингент, населяющий вокзал, привычный, мало интересует их, и потому могут спать спокойно.

Ночь прохладная. Город в огнях. Но на душе человека, вышедшего на улицу, одиноко и тоскливо. Мужчина поёживается, осматривается и медленно направляется к Ленинградскому вокзалу.

Прежде чем войти в вокзал, он внимательно посмотрел сквозь стеклянные двери – нет ли милиционеров? Вошел. Какое-то время походил по залам, затем, найдя уединённое свободное место, сел на сидение, достал из портфеля старую газету, стал просматривать её, – в который раз. Вскоре, незаметно для себя, уснул, навалившись на сумку боком.

Майск.

1

В сквере “Пионеров”, что раскинут за кинотеатром “Победа”, на скамейке лежит человек. Одет он просто, едва ли не по-домашнему: клетчатая рубашка, тёмно-зелёные с лавсановой нитью штаны. У него на ногах домашние тапочки. Можно предположить, что человек прилёг отдохнуть на свежем воздухе, пригретый солнышком, под птичий гомон и шелест листвы. От сладкого сна, в уголке рта нардела слюнка...

Идиллия не заслуживала бы особого внимания, если бы порожняя бутылка “солнцедара”, тоже отдыхающая в тенёчке под скамейкой на зелёной травке. Столь милое соседство, разумеется, не осталось без такового.

По аллее, патрулируя, прогуливались два милиционера. У них тоже было лирическое настроение, и потому один из них сказал, проходя скамейку:

– Пусть спит.

Но у второго служебный долг преобладал над сантиментами, и он выразил несогласие.

– В вытрезвитель надо. Нечего засорять город. Читал постановление горсовета и приказ по отделению: всех пьяных отправлять в медвытрезвитель.

– Читал, – со вздохом ответил его товарищ, пытаясь, видимо, этим выразить свое либеральное отношение к тем пьяницам, что умеют наслаждаться природой, не нарушая её прелести и общественного покоя. Но он был в подчиненных.

– Дуй в “Победу”! Звони, пусть приезжают, – приказал старший сержант, что младшему пришлось выполнить, подчиняясь не только приказу, но и вместе с ним всем важным инструктивным предписаниям.

Вскоре у воротца сквера, со стороны улицы Олега Кошевого, остановился медвытрезвительский воронок. Два сержанта, прагматик и либерал, объединенные общей задачей и долгом, подхватили спящего на лавке человека под руки и поволокли к машине.

Мужчина, проснувшись, запротестовал, от испуга, видимо, заикаясь.

– Ребята!.. С-сынки!.. З-зачем? Я рядом живу. Я, я сам у-уйду. Я только подышать вышел.

– Идём, идём, там подышишь.

– С-сынки, да вот мои окна. В-вон, поди, моя бабка смотрит...

– И любитесь, как её муженька под белы ручки волокут.

– Да я ж н-не пьяный!

– Ага бутылку “солнцедара” залудил и трезвёхонький. Ха!

У машины их встретил старший сержант, водитель “воронка”. Чернявый, с татарской наследственностью на лице, резким взглядом в слегка раскосых глазах.

Старший сержант, встречая клиента, заговорил с ласковой грубоватостью:

– Ах ты мой трезвенник остекленевший. – Подхватил мужчину, помогая коллегам, и вместе они стали заталкивать его по ступенькам в будку. – Лезь, лезь, скатина! Поерепенешься тут, не то, как дам по кумполу, в раз похмелка выскочит.

Такая остратка сержантам понравилась, и они рассмеялись.

– Да не пьян-ный я! – с плачем прокричал человек, но за ним захлопнулась дверь “воронка”.

Мужчина со слезами на глазах прошёл ближе к решётке, к кабине водителя. Правую руку завел под рубашку и держал её на груди, морщась от неприятного в ней покалывания, жжения в области сердца.

Скрипнул запор. За будкой слышались шутки милиционеров.

– Трезвенник, в душу мать! Ха-ха! – смеялись они, удовлетворённые своей работой. – Ну, ладно, пока. Если что, звоните, прискочим. У нас сейчас пусто, всех принимаем.

– Годится, Саша, позвоним.

Машина тронулась. Водитель ехал, ничуть не беспокоясь о пассажире, на ухабах и неровностях скорость не снижал и тормозил так, как если бы в кузове вёз дрова. И от такой болтанки в будке, человек из последних сил держался за прутья на окошечке, чтобы не дать разрастись огню в груди, всё более усиливающемуся.

“Воронок” остановился в ограде медвытрезвителя. Старший сержант, выскочив из кабины, открыл дверь будки и спросил:

– Ну чё, мужик, сам выйдешь или мне за тобой лести?

– Выйду, выйду...

Задержанный, пошатываясь, после пережитой тряски, подошёл к выходу. Подслеповато щурясь от яркого света дня, осторожно стал спускаться по ступенькам машины. На ступеньке с ноги свалился тапчек, но он не успел подцепить его на ногу, поскольку милиционер, подхватив под руку, поволок мужчину к белому одноэтажному зданию.

– погоди! погоди, молодой человек, тапчек... Тапчек дай надеть!

– А, ёх калагай! Ну!..

Вернулись. Задержанный едва надёрнул тапчек на ногу, и его тут же поволокли к зданию.

В дежурной комнате медвытрезвителя продолжали бушевать страсти. Они начались ещё при Саше, не затихали и в его отсутствии. За столом сидели трое: начальник "богоугодного" заведения, старший лейтенант Бахашкин Борис Николаевич, или Шалыч; круглолицый, с искривленной переносицей, с узкими глазками, на вид добродушный, но, однако, капризный бурят. Старший лейтенант грузноват, налитой плотью и кровью, взгляд безразличный, пренебрежительный.

Медбрат, Андрей Глотко, среднего возраста белёсый украинец, он в белом халате, с закатанными до локтей рукавами. Младший сержант Вася Мизинцев, молодой, улыбающийся всему и всегда, услужливый малый, в медвытрезвителе новый человек, поэтому больше на подхвате, на исполнительстве. Все трое к поступившему пациенту не проявили ни малейшего интереса. Продолжали игру в карты.

– Куды его, Шалыч? – спросил Саша, подводя посетителя к стойке.

– Ошманай, да в третью сунь. Пуцай поохладица, – ответил старший лейтенант. – Храплю!

– Я пас, – младший сержант сбросил карты.

Старший сержант бесцеремонно, заученными движениями, вывернул карманы посетителя и обескуражено проговорил:

– Каво они нам подсунули?.. Ну и клиент пошёл, – и прикрикнул: – А ну, скатина, раздевайся!

Мужчина взмолился, на его вспотевшем рыхловатом лице, проступила бледность.

– Товарищи! Сынки! Да не пьяный я! Ей-богу, не пьяный. Это недоразумение.

– Все вы не пьяные, – лениво проговорил Бахашкин. – Все трезвые, как стеклышка...

– Да нет же!.. Доктор, голубчик, дай трубку, дыхну. У меня сердце больное, мне вообще пить нельзя. Мне худо было, вот я и прилёг на скамеечке, уснул.

Медбрат посмотрел оценивающе на одутловатое, отмеченное печатью недуга лицо пациента, в его глазах промелькнуло намерение проверить посетителя, он даже отложил карты, но начальник медвытрезвителя имел свой внутренний прибор, который ставил диагноз безошибочный, натренированный за долгие годы службы на вверенном объекте. Диагноз он ставил точный и окончательный.

– Са вчерашнева ешо не одыбал. Не отвлекайса, Глот, ходи!
И медбрат осел.

– Да товарищ старший лейтенант! Да посмотрите вы! Да не пьян я! Не пьяный!..

– Заткнись!

Мизинцев услужливо спросил:

– Может записать в журнал?

– Потом запишу. У меня очко! У тя сколь?

– Семнадцать, – ответил Глотко.

Бахашкин, самодовольный, с ленивой ухмылкой стал собирать выигранные деньги.

Саша заученными движениями рук ловко расстегнул и выдернул из брюк посетителя ремень и бросил его на стойку перегородки.

– Скидай штаны! Рубаху! Ну!

– Нет, да вы что здесь?.. Совсем оскотинились? Человеческого языка не понимаете? Да я...

– Сашька, да успокой ты ево! – недовольно проговорил Шалыч.

Посетитель ойкнул и задохнулся от сильного удара по боку. Согнулся и, чтобы не упасть, одной рукой ухватился за перегородку, другой за грудь, медленно опуская её на бок на ушибленное место. Он издал стонущие звуки, которые Шалыч понял по-своему.

– Он, однаха, нарыгат здесь. Давай, помоги Сашьке, – толкнул он Мизинцева.

Младший сержант проворно выскочил из-за перегородки. Они вдвоём стащили с обмякшего посетителя одежду и в одних трусах поволокли в душевую кабинку. У двери мужчина, ещё пытаясь сопротивляться, упёрся рукой в косяк, но новый удар по боку, ослабил его усилия. Он стал оседать на порог.

Два молодца подхватили обессиленное тело и затащили в кабинку. Без особых церемоний опустили его на деревянную решётку на полу и для убедительности, чтобы не представлял всяк сюда вошедший, медвытрезвитель раем, Саша отвесил посетителю под зад приварок от сапога сорок третьего размера. Глаза Саши были злые, лицо выражало крайнюю степень недовольства – бедных посетителей он не уважал.

Саша последним вышел из кабинки, закрыл на задвижку дверь и, не глядя на сборку смесителя воды, находящуюся между дверью соседней кабинки, открыл воду, быстро вращая штурвальчик вентиля. В кабине зашумела вода из рассеивателя.

Сержанты вернулись в дежурку, и игра продолжилась вчетвером.

Какое-то время из душевой доносились возгласы, зов о помощи, стоны. На что Шалыч заметил:

– Ишь как забрало, однахо!

Потом всё стихло.

Сотрудники увлеченно играли, вскрикивали, матерились. И чаще всего слышался взрывной голос Саши. Ему фартило. Служба шла, денежки капали.

А тем временем по помещению расползлся туман. Он был насыщен влагой, прилипал к стенам, к окнам, конденсировался на потолке, и выходил в открытую дверь на улицу. Окно в дежурке постепенно помутнело, чего не сразу смогли заметить игроки, ибо азарт хоть и широко раскрывает глаза, но в них свой алчный свет.

Первым внимание обратил на капли, упавшие с потолка на пол, Вася. И воскликнул по-детски искренне и удивленно:

– Ой! Капает... Кажется, дождь начинается!

– Из-под носа у тя капит, – усмехнулся меланхолично Бахашкин и поднял глаза от стола. – Ох, ты ё..!

Какое-то время всех сковала общая неподвижность, непонимание сути происходящего. Но первым в движение пришёл Саша. Он сорвался с места и, изрыгая ругательства на русском и татарском языках, скрылся в пару, в глубине помещения.

Душ стих. И оттуда, из душевой, слышались ещё более громкие вопли, Сашина матерщина.

– Суки-и!.. Чё мы на-де-ла-ли!.. – это был рёв отчаянной души.

Крик привёл в движение игроков. Все бросились к источнику его извержения.

Первым в кабинку вбежал Бахашкин. Переломившись пополам, приседая под паром, стал разглядывать то, что могло так, не то напугать, не то удивить Сашу, – а он парень на редкость толстокожий. Наша школа. И то, что увидел Шалыч, его заставило потерять самообладание.

– Однаха, бляха, он скипел! Ай-яй, сварился, бляха! – Шалыч хотел было встать на четвереньки, чтобы получше разглядеть лежащего на решётке человека, но обжёг руки и колени о кафель пола. – Ай-ой! Однаха, горячо!

– Ага, – поддакнул Мизинцев, вбежавший следом и стирая с лица пот или влагу от пара.

Пар от кафеля курился, но видно было, что человек, лежащий на нём, был мёртв. Кожа на его ногах полопалась, и белело сваренное мясо.

– Скипел!.. Савсем сварился!.. – стонал Бахашкин.

И Вася участливо поддакивал ему в тон, присев на корточки. Чувствуя, как самого пронимает жуть и подпирает тошнота.

Бахашкин в недоумении обернулся на товарища, поморгал глазками, смаргивая с них не то пар, не то слезы, и вдруг ударил кулаком по участливой физиономии. Из кабинки раздался крик, возня и ругань Шалыча.

– Ты включил горячий кран, да?! Ты, ублюдка русская!.. Убью, однаха!

Медбрат, выскочивший из дежурки последним, тут же потерял из вида своих товарищей. В то же время, к выходной двери на улицу, от кабинки метнулся Саша. Он хотел перепрыгнуть кушетку, стоящую посередине зала, на которой обслуживались клиенты совершенно не дееспособные, ломающиеся на десятки составных частей, но, зацепив за край, опрокинул её, едва сам не упал и не зашибся о кирпичный угол дверного косяка.

В этот момент на пути падения кушетки возник Глотко. Напуганный трагическим предчувствием и промелькнувшей в пару тенью Саши, он не распознал движения топчана, и топчан, как гильотина, опустился на ноги медбрата. Это вызвало ещё больший рёв в гулком помещении медвытрезвителя.

– О, шоб ты обкакавси! О, шоб тоби очи повылазылы! Ты ж мени усе ноги переполомав...

Но Саша его проклятия не слышал, да и было ему не до них. Он метался по двору медвытрезвителя и там клял себя.

– Как?! Как я мог ошибиться? Как я мог включить горячую воду? Ну, м.....к, анан сагаям! Сварил мужика! Что будет?!.

2

По Ленинградскому проспекту, в квартал “А”, следуют две легковые автомашины. Первым идет “москвич-412” – на капоте – ГАИ. Вторая – белая “Волга”, ГАЗ-24. Её ведёт сам начальник ГАИ города, Заичкин Владимир Васильевич. Это его личная машина, новая приобретённая неделю назад.

В “Волге”, кроме хозяина, четверо. Трое, друзья Владимира Васильевича, ведут трёп и как всегда – о женщинах. Шёл разбор полётов на пикнике по случаю обмывания колёс, которые сейчас, весело шурша по асфальту, передвигали пассажиров в заданном направлении.

Пятый, сидящий с боку на заднем сидении, смотрит в раскрытое окно, подставив встречному ветру лицо. Он молод, двадцати семи лет, русоволос, лицо слегка удлинённое, лоб широк,

нос прямой. Глаза голубые, веки и брови белесые, выгоревшие на солнце. По-мужски он красив. На нём белая рубашка, рукава закатаны, ворот расстёгнут, за отворотом видна полосатая майка-тельник.

Капитан Феоктистов возвращался к себе в отдел. Возвращался из поселка Зверев, где принимал участие в осмотре выловленного из Ангары трупа. Туда и обратно на рейсовом автобусе и уже от второго отделения милиции, что у кинотеатра “Победа”, повезло, с комфортом и в компании начальника ГАИ города.

Феоктистов не принимал участие в разговоре, ему не столь интересно, раздумывал о делах своего отдела. В принципе работа шла нельзя сказать что плохо, но кое-какие проволочки мешали её проведению.

Да вот хотя бы их новый начальник отдела – майор Прокудин. Нет, от него явного вреда нет, но и пользы пока не заметно. Человек новый, несколько странноватый, не до конца ещё им (Феоктистовым) понятый, а потому – настораживающий. И дела, в которых начали проявляться некоторые лица, в городе не последние, приходится до поры до времени придерживать, вести скрытно. Какая-то поверхностность в деятельности майора наблюдается, формальности, показуха. Много обещает товарищ, а на практике – все его слова никаким образом положительно не сказываются на отделе.

Вот взять хотя бы отсутствия транспорта, легковой машины. Ну, хоть какой-нибудь задрипанный “москвич” был. Или, как этот аппарат называет Миша Михалёв, – “москвач”. Никакой оперативности. На срочные вызовы или задания – на перекладных или побирайся, кланчи всякий раз тот же ПМГ в дежурном отделении. Да и так, похоже, ни раба ни мясо...

Параллельно шоссе, с правой стороны, тянется трамвайная линия, по которой бегут трамваи. Встречаясь, они перезваниваются.

Проехав 11, 12 и 13 микрорайоны, машины ГАИ повернули направо, на перекрестке простучав колесами по трамвайным путям, направились в квартал “А”.

Микрорайон квартал “А” утопал в зелени. По сути – это целый комплекс, состоящий из нескольких кварталов-микрорайонов. Наряду с кварталом “А”, здесь есть кварталы “Б” и “В” и “Г”... Но с того момента, как был заложен этот городок, и так необычно, на некотором расстоянии от основного города, за лесами, за полями, и строительство его вело загадочное предприятие под военным литером, что в народе именуется “Ящиком”, – то и до сего дня его, этот жилой массив, прозывают по первому построенному микрорайону – кварталом “А”.

В отличие от городских микрорайонов, где нумерация ведётся числами, тут – в алфавитном порядке. Первые годы квартал “А” и город соединяла дорога, отсыпанная гравием. Затем её заасфальтировали, расширили, и по сибирским масштабам – значительно, эта дорога стала автострадой и прямой, как стрела. Наверное, поэтому ее называли Ленинградским проспектом, подразумевая, видимо, ту, что соединила когда-то Санкт-Петербург и Москву. И эта аналогия стала ещё более существенна, когда с боку проспекта пролегли рельсы, и застучали трамвайные колеса.

Машины миновали ателье мод, магазин “Одежда”, ресторан “Баргузин”. С левой стороны обогнули стадион “Ермак”, выехали на улицу “Красная” и там остановились у белого кирпичного трёхэтажного здания – Управление Внутренних дел города, о чём свидетельствует бордовая доска под стеклом у входа.

Из “Волги” вышел один Феоктистов. Он поблагодарил Владимира Васильевича за предоставленную услугу, за оказанное внимание.

– Будьте здоровы, ваше сиятельство, – сказал в ответ Заичкин, усмехнувшись иронично. И эскорт начальника ГАИ, развернувшись, последовал дальше, в “четвертый поселок”, где находится отделение ГАИ. “Контора” – как называет свой отдел сам майор Заичкин.

Со второго этажа здания за машинами наблюдал молодой человек. Он улыбался, и что-то говорил, оборачиваясь к кому-то, кто находился внутри кабинета. Феокистов заметил его, усмехнулся и быстрым шагом взойшёл по ступенькам невысокого крыльца в здание.

Прошёл фойе дежурной части, приветливо кивнув дежурному, сидевшему за стеклянной перегородкой, и нескольким милиционерам, находящимся там же. Торопливым шагом поднялся на второй этаж, пошёл по коридору, в котором стояли и сидели на подоконниках посетители, вызванные по повесткам в разные отделы.

В кабинете Феокистов застал всех троих.

– Привет, парни!

– О! Граф Феоки! Здравия желаем! – ответил за всех Михалёв, следивший из окна за его приездом. – Такой эскорт, такое сопровождение! Сам начальник ГАИ города почтил вас своим вниманием. Он у вас, ваша светлость, не за личного ли шофера изволит служить?

– За личного, сударь, за личного, – поддерживая тон, ответил Феокистов.

– О, ну тогда мы просто снимаем шляпы. Дослужились. Спасибо нашему начальнику, добился-таки нам транспорт, и какой! Теперь ни один бандит или вор от нас не уйдёт. Во время вязать будем.

– Так, сударь, и продолжайте.

– Слушаемся, граф...

За их дурашливостью наблюдали Юрочкин и Анонычев, молодые сотрудники, и посмеивались.

Кабинет следователей представлял собой продолговатое помещение в одно окно, в котором вдоль стен, по два у каждой, стояли столы, при которых четыре небольших сейфа – наличность каждого следователя. Феокистов шёл к своему столу, стоявшему справа у окна.

– Кстати, граф, – остановил его Михалёв, – вас хочет видеть, по каким-то нам неизвестным делам, наш шеф. Пред его величием ваше сиятельство, как нам кажется, несколько слиняет. Больно вид у них сегодня мало приятельский, – почмокал уголком губ, подражая начальнику.

Феокистов, доставший ключи от сейфа, бросил их обратно в карман брюк. Остановился. Посмотрел на улыбающиеся лица коллег и, повернувшись вновь к двери, спросил:

– Мне кто-нибудь звонил?

– Я там, у тебя на столе, записал, – ответил сударь. – Два телефончика. И оба от женщин, – подмигнул. – Везунчик вы, граф Феоки.

– Да и какой-то мужик звонил, – сказал молодой следователь из аборигенов Эхирит-Булагатского района, Анонычев Андрей, бурят.

– Телефон оставил?

– Нет, сказал, позже перезвонит.

Феокистов согласно кивнул и покинул кабинет.

При его появлении в коридоре двое парней, вызванных по повесткам, привстали с подоконника. Феокистов, не обращая на них внимания, вошёл в следующую дверь, такую же, как и все на втором этаже, обитую чёрным дерматином.

Кабинет начальника отдела уголовного розыска города такой же по форме и размерам, как и у его подчиненных. Но внутреннее расположение мебели в нём несколько отличалось: два стола стояли посередине, приставленные Т-образно один к другому, шкаф у входа под одежду и второй, напротив него, со стеклянными дверцами, с книгами и брошюрами внутри. У окна, где сидел хозяин кабинета, два сейфа, поставленные один на другой, и на столе три телефона: белый, красный, черный – последний без диска, прямая связь с начальником горотдела милиции.

– Здравия желаю, товарищ майор. Разрешите?

– Привет, Толя,ходи, садись, – показал майор на стулья, стоявшие по обе стороны приставного стола.

Феоктистов прошёл, выдвинул стул из-под стола и сел.

Майор был в милицейской форме, но без кителя. Тот висел сзади него на спинке мягкого стула.

– Я вот чего хотел тебя видеть, Толя... Нет, сначала доложи, что там у тебя с угонщиками?

– Они не угонщики, Евгений Моисеевич.

– Вот как? Ты уже установил?

Феоктистов помедлил. Ответил:

– По крайней мере, нет прямых улик по вскрытию ими гаражей.

– А газовые баллоны, резак в “Жигулях”. Это что, не улики? Не доказательства?

– И баллоны, и резак – это их имущество. Они перевозили их из одного гаража в другой. Из гаража Бахаревского в гараж Смирнова. Поскольку Бахаревский уезжает жить в Иркутск, и это установлено, он передал этот аппарат Смирнову. А какой автолюбитель откажется иметь у себя газосварку?

– Которую им понадобилось перевести ночью?

– Ну, это была не ночь, вечер.

– Ты их выпустил?

– Да. Прошло трое суток. Нельзя их более держать.

Майор Прокудин, продолжительно глядя на подчиненного, но не в глаза, а куда-то в переносицу, отчего взгляд кажется тяжёлым, пронизывающим, сказал:

– Да, Анатолий, да. У нас сколько, шесть вскрытых гаражей, три угнанных машины, так? В руках были два потенциальных взломщика, возможно, и угонщика, а что мы имеем? Мы что тут вообще делаем?

“Кое-кого вычисляем и вот-вот возьмём за жабры”, – пронеслось в голове у Феоктистова, но вслух сказал:

– Михалев работает и близок к раскрытию.

– А взломщиков-угонщиков?.. – перебил Прокудин. – Вот то-то.

– Время нужно.

– Кто нам его даст больше, чем мы сами себе установили в обязательствах. Мы обязались каждый квартал иметь два-три раскрытых преступления? Обязались. Июнь на носу, а у нас ничего.

Феоктистов едва заметно усмехнулся.

– Ты извини, Женя, но у нас тут не производственные мощности по выпуску готовых болванок. У нас живой человек и использовать его в качестве исходного материала, штук, процентов как-то даже не этично.

– Ты что же полагаешь, что наш отдел и отдел ОБХСС, с которым мы соревнуемся, в своей работе проявляют бестактность, беззаконие?

– Но и навязывать какую-то арифметику неуместно и смешно.

Прокудин согласно покачал головой, недовольно причмокивая уголком рта.

– Оно так. Но не нами это заведено. И, хотим мы того или нет, это нас подстёгивает и дисциплинирует. Как по пословице: давши слово – крепись... И надо сказать, что отдел до сегодняшнего дня неплохо выглядел. Если мы постараемся, то в конце квартала нас вновь ожидает премия. Что тебе, плохо что ли иметь в кармане дополнительно тридцать-пятьдесят рубликов?

Феоктистов вновь иронично усмехнулся.

– Мы с тобой, как прорабы на стройке.

Прокудин зачмокал уголком губ.

– Что-то у нас не получается разговора сегодня. Ну ладно. Что там за утопленника прибило к нашему берегу?

– Зверевский участковый сообщил, что документов при нем не было. При осмотре, врач телесных повреждений не обнаружил. Похоже, утонул по собственному желанию.

– Где сейчас труп?

– В сангородке, в морге.

– А что не в городском морге?

– У них что-то с оборудованием не в порядке, закрыт.

– Когда наступила смерть?

– Предположительно, двое суток назад.

Прокудин достал из папки, лежащей на столе, листок и протянул Феокистову.

– Вот заявление. От некой гражданки Шпаревой Юлии Петровны. Мужик у неё пропал. Две недели назад. Не он ли ходил рыб кормить? Поработай. Возьми у неё фото муженька, сличи. А нет, так тащи её в морг на опознание.

Феокистов принял заявление и поднялся.

– Хорошо, Евгений Моисеевич.

Задвинув стул на место, направился к двери.

– Относительно тех двух друзей, – догнал его голос майора, – не выпускай их из виду. Раскручивай, не рассусоливай.

Феокистов выслушал, спросил:

– Можно идти, товарищ майор?

Майор махнул рукой: иди... Он был несколько обескуражен действиями своего заместителя, хотя особых претензий к нему и к сотрудникам отдела нет: работает неплохо, несмотря на молодость.

– А, сиятельство! Посмотрите-ка, всего лишь слегка сблелнул, – встретил Феокистова сударь, не поднимаясь из-за своего стола, также стоящего у окна напротив стола Анатолия.

– Сейчас и вы, господин Михалёв, как хамелион, расцветку поменяете. Что там у тебя по гаражам?

Феокистов прошёл за свой стол.

– Ах, во-от оно что. С вас за нас стружку снимали... – с наигранной тригичностью проговорил Михаил, причмокивая уголком губ. – Ну что ж, докладáю. Мы на верном пути, товарищ замнач отдела уголовного розыска. Сегодня организуем ещё одну засаду. Есть все данные, что этой ночью в Байкальском кооперативе будет угон. Жду звонка от своего агента. Кстати, я уже докладывал, кто именно занимается этим промыслом, но хочу взять с поличным. Конечно, пока не его самого, но его подельников.

Феокистов утвердительно кивнул, но заметил:

– Смотрите, не пролетите мимо, как стая рашпилей.

– Постараемся, – Михалев чудачил. Это была обычная манера его поведения.

Сергей Юрочкин собирался уходить. У двери остановился.

– Ну, я пошёл. Кого больше не увижу – пока! – попрощался он.

– Сережа, – обратился к нему Михалёв, – ну ты подъедешь на облаву?

– Постараюсь.

– Сбор в двадцать два, в Байкальске. В пункте ДНД.

– Понял. Пока! – Сергей плечом толкнул дверь и вышел.

Феокистов, молча, читал переданное начальником заявление, медленно доставая из кармана ключи от сейфа.

“Начальнику городского отдела милиции города Майск тов. Сапожникову В.М. от Шпаревой Юлии Петровны, проживающей в квартале... дом 13, квартира 13, – (“симпатичное сочетание”, – мелькнуло в голове.) – работающей в п/о “Майскнефтеоргсинтез”, ЛОУТ – инженер-программист. Телефон рабочий... Телефон домашний... Заявление. Прошу Вас помочь мне найти моего мужа, Шпарева Юрия Максимовича, 1943 года рождения, который ушёл из

дома 25 мая 1977г. и до сегодняшнего дня не вернулся. У родственников, к которым я обращалась, его нет, и не было. У друзей и знакомых его тоже нет. Прошу помочь мне в его поисках.

Дата: 07.06.77г. Подпись”.

– Похоже, шеф опять чем-то озадачил? – спросил Михалев.

– Да, Миша, у женщины пропал предмет. Просит организовать поиски.

– Предмет-то хоть стоящий?

– Похоже, коли так волнуется.

– И что же?

– Ни что, а кто: муж.

– Ха! Так делай правильно ударение.

Следователи рассмеялись.

– Раз так, то где-нибудь бульдулит, – сказал Андрей Анонычев, молчавший до этого.

– Третью неделю догуливает.

– Ну-у, это только чуть больше полмесяца, – констатировал Михалёв.

– У меня в Усолье такой случай был. Я там практику преддипломную проходил, – продолжал Андрей. – Потерялся мужик. Жена туда-сюда, всех на ноги подняла. Как же, тоже муженька где-то недели две нет, пропал. То ли в лесу заблудился, поскольку ягодный и грибной сезон был; то ли в Ангаре утонул, поскольку рыбак заядлый. А может, кто пришил и концы в воду. Словом, по всем направлениям крутим дело, каблуки до пят сбили. А он, хм, в конце месяца сам объявился. В Тулуне на чужом огороде пасся у какой-то матери одноночки, клубничку собирал. Чем-то не угодил – выперла... Так и этот. На чужой, поди, клумбе засиделся. Пресытится, объявится.

– Всё может быть, Андрюша, – согласился Анатолий. – Но заявление есть, завизировано, надо работать. Кстати, труп утопленника опознать надо. Может он... Андрюша, ты сегодня тоже подключайся к Мише.

– Да мы уже договорились. Я тут по квартирной краже в шестом микрорайоне пробежусь и подъеду.

– Миша, дружинников подключи. Только цель вашего вояжа обозначь в последний момент.

– Бу сделано, ваша светлость... – Михаил хотел ещё что-то сказать, но зазвонил телефон.

Феоктистов поднял трубку. Не успел ответить, как услышал взволнованный голос Прокудина.

– Анатолий, немедленно поезжай в медвытрезвитель! Там чепе.

– Что случилось?

– Там эти м....ки мужика сварили в кипятке.

– Как?!

– Как? – узнаешь на месте. Езжай. Малина из прокуратуры туда выехала.

– Есть!

Феоктистов бросил трубку и закрутил от удивления головой.

– Час от часу нелегче!

– Что случилось? – спросил Михалёв. – Машину Заичкина угнали?

– Ещё чуднее. – Анатолий достал записную книжку и стал переписывать в неё телефонные номера с заявления Шпаревой. – В медвытрезвителе мужика сварили в горячей воде.

– Ха!.. – возглас Михаила погас на полутоне. – Там что, черти на кочегарке работают?

– Вурдалаки.

Феоктистов открыл сейф и положил в него заявление. Поднялся.

– Толя, мне с тобой? – спросил Анонычев.

– Нет, Андрюша. Заканчивай по квартире и подключайся к Мише. Если у меня получится, то я тоже подъеду. Да, и по Заичкину пока начальнику не докладывайте. Надо самим тут разобраться. А то наделает шуму невпопад.

Феоктистов вышел из кабинета и быстрым шагом поспешил по коридору, мимо стоящих у стен и у окон людей.

“Всё-таки надо настоять, чтобы выставили для посетителей стулья, или сделали лавки”, – подумал он на ходу.

Анатолий спустился на первый этаж в дежурную часть. Подошёл к бордюру, за которым сидел помощник дежурного.

– Вася, машина свободная есть? – спросил он краснощёкого сержанта.

– Нет, граф.

– В город, в город никто не едет?

– Да нет. Силантич недавно на вызов уехал. Где ты был раньше?

Феоктистов посмотрел на часы: 11.15.

– Торопишься? – участливо спросил Василий.

– Да.

– Сожалею, граф, но ничем сейчас помочь не могу – все в разъездах.

– Ну, ладно, Васёк, спасибо за сочувствие. Побегу.

3

В медвытрезвителе находилась бригада “скорой помощи”: врач Полина Васильевна, медсестра Мая и молодой водитель Володя.

Володя, прохаживался по помещению, равнодушно осматривал место происшествия.

Труп был осмотрен, Бахашкин и Саша уложили его на носилки и унесли в “скорую”. На лице Шалыча уже не было прежней меланхолии, выпирающего высокомерия, оно было красным и нервным. В глазках едва скрываемый страх и недоумение. Губы тряслись, как у загнанной лошади. Он пытался закурить, но не мог достать из пачки папиросу, дрожали руки. Казанки на пальцах были сбиты и ранки покрашенные йодом бордово темнели.

– Сашька, пашто так-то, а? Пашто горяча вода в кране получилась, а?

Саша был спокоен. Он пережил минуты страха и упрёка, в том числе и переживаний. Ему хватило тех минут прогулки во дворе, пока Шалыч разбирался с Мизинцевым, а Глотко с кушеткой, чтобы сосредоточиться. Чтобы найти лазейку в этом безрадостном событии, по которому была бы хоть малейшая возможность выкарабкаться. И, кажется, такую трещинку нашёл. Пусть она несколько подванивает подлючестью, но какие тут могут быть сантименты? Выкарабкаться надо! И потом, вспомнились кое-какие друзья, поди, не оставят, отмажут...

Саша взял у начальника пачку папирос и вытряхнул из неё себе и ему по белому стволу. Пачку вернул. Достал из своего кармана спички, прикурил сам и подал огонёк Шалычу. Действия его были расчетливыми, глаза находились в напряжении. Он старался скрывать своё состояние, и это ему удавалось

– Сашька, хто включил горячу воду, я спрашиваю, а?

Саша пожал плечами и небрежно ответил:

– Не помню... Кажется, Васька.

– У-у, ублюдка русская! Мало я ему морду начистил. Сабака... Ох-хо-о, ох-хо-о, веть тюрьма. Тюрьма на мою голову, – закачался Шалыч из стороны в сторону, обхватив голову.

– Ты вот што, Шалыч, послушай меня, пока мы одни... Давай так договоримся. Мы холодную воду включали, понял? – назидательно стал объяснять Саша. – Холодную. Но, чтоб не простудить клиента, добавили горячей. Штоб вода была только чуть прохладной. Ну, как положено по инструкции. Понял? Штоб не простудить клиента, сечёшь?.. А в это время холод-

ную воду отключил ЖЭК, или какой-нибудь слесарь на магистральном трубопроводе. Отключил, а нас не предупредил. Значит, кто виноват, анан сагаям?

Лицо Бахашкина начало светлеть.

– Врубайся, Шалыч, и поживей, а то, как следаки и прокуратура понаедут, некогда будет репу парить. А сейчас иди и заполни журнал доставки и приёма клиента.

– Дык, это, фамилию не знам?..

– Да и на хрен она тебе нужна? Так и запиши: фамилию не сказал. Ругался, дебоширил, страшал. Ну, словом, што, в первый раз што ли?

Бахашкин бросил недокуренную папиросу мимо урны и поспешил в здание.

Саша огляделся по сторонам и, не спеша, пошёл за ним.

На кушетке, что стала одним из препятствий во время суматохи в медвытрезвителе, врач осматривала пострадавшего Глотко. Он лежал на ней с задранной на правой ноге брючины, и доктор осторожно ощупывала ему ногу, а он кривил толстые губы от боли при прикосновениях её пальцев.

– Похоже, переломов у тебя нет, но ушибы сильные... Поедешь сейчас с нами, надо рентген провести. Может, раскол костей ступни?..

В дежурке на скамейке сидел, привалясь к стене, младший сержант и перед ним, наклонившись, стояла медсестра Мая. Мизинцев постанывал. У него был перелом нижней челюсти, и Мая подвязывала её, прибинтовывая бинтом к голове.

– Потерпи, сержантик, потерпи, – приговаривала она участливо. – Приедем в сангородок, легче будет.

При появлении Шалыча, Мизинцев застонал и ещё плотнее прижался к углу. На его изуродованном лице появилась маска ужаса. Мая выронила из рук бинт.

– Что с тобой, сержантик? Сиди спокойно.

Бахашкин, не обращая внимания на Василия, прошёл к столу, раскрыл журнал и стал торопливо заполнять его.

Володя иронично и брезгливо посматривал на всех участников вакханалии.

4

Фектистов вышел на крыльцо. Почесал затылок от досады.

Яркое солнце заливало весь микрорайон. Даже бетонный заплот через дорогу, окружающий стадион “Ермак”, казалось, излучал свет и слепил. Анатолий прищурился, привыкая к солнцу. Пожалел, что забыл тёмные очки. Когда рано утром уходил из дома, брезжил рассвет, а сознание ещё спало, не вспомнил об очках.

На минуту задумался, соображая, на чём ехать. Если на трамвае, то это – по кольцу, по всему городу, через все микрорайоны и кварталы... Как раз к вечеру доберёшься. На автобусе?.. Пожалуй, быстрее будет. Только идти до него далековато. А какой ещё выбор?.. Чёрт, когда машина будет? Ведь у всех у них есть водительские права, а транспорта нет! И что думают отцы-командиры?

Спустился с крыльца и пошёл по улице “Красной” в сторону остановки “Блинная”.

В одном из дворов, который проходил Феоктистов, до него донеслись звуки музыки и знакомый хриплый голос. Он оглянулся в сторону одного из подъездов дома и увидел в кустах черемушника группу ребят: кто-то из них сидел на корточках, кто-то на ящике, а кто-то стоял, привалясь к стволам черемухи. Кое-кто из них курил. Магнитофон “Астра”, похоже, новый, стоял на асфальтовом отмостке фундамента. К нему тянулись провода из раскрытого окна первого этажа.

“Астра” крутила Высоцкого:

“Тридцать три же мужика, не желают знать сынка, говорят, пусть растёт сын полка...”

Анатолий усмехнулся: и тому, что пел артист, и тому, что запрещают его, правда, негласно, а он всё равно хрипит. Слушают. У него у самого есть несколько его записей, и они ему нравятся. И Анатолий сейчас с удовольствием послушал бы его вместе с пацанами, но... их бы заботы ему. Майору Прокудину Высоцкий тоже чем-то не угодил. Порицает, когда услышит песни Высоцкого у них в кабинете, губами чмокает...

Феоктистов вышел на улицу Энгельса. Широкая улица пролежала между четырехэтажными побеленными в оранжевую охру домами. На противоположной стороне находится Народный суд, в котором рассматриваются дела, касающиеся соседнего электролизного комбината, закрытые, полувоенные предприятия.

Далее перекресток, за которым, в нижних этажах домов, – кофе “Блинная”, магазины. Ещё дальше – библиотека. Напротив кафе и этих магазинов раскинулся соснячок, лесной массив, видимо, оставленный для очистки городского воздуха и для удовольствия отдыхающих. В нём и сейчас видны гуляющие, в основном, люди пожилого возраста с внуками и мамочки с детскими колясками. Только там и можно наслаждаться таким прекрасным днём.

Даже не верится, что в такое чудесное время могут происходить беды, несчастья, убийства, к примеру, такое, куда предстоит добираться на “перекладных”. Быть заживо сваренным! Скорее всего, по недосмотру работников медвытрезвителя, или, как его ещё прозывают остряки – “вытряхвителя”. А может, сильно пьяным был?.. Немало таких случаев, когда люди в алкогольном опьянении сжигают себя в домах, тонут в реках, разбиваются на транспортных средствах...

В ожидании автобуса Анатолий закурил и стал ходить взад-вперед по асфальтированному тротуару. Дважды пытался голосовать частникам, но не тут-то было. И вспомнил Заичкина: не поднесёт ли его чистая или нечистая и на этот раз... Хоть бы кто-нибудь в форме появился! – легче было бы тормознуть.

Наконец из-за поворота вырулил маршрутный автобус ЛИАЗ “Майск – 8-е Марта – Майск”. Анатолий облегченно вздохнул.

Пассажиры выходили и заходили в передние двери. Феоктистов заскочил в задние и прошёл немного в салон. Встал на подъёме, ухватившись рукой за верхний поручень.

“Чёрт, при такой оперативности, как раз поспеешь к морковкиной заговены,” – выругался он. И сравнил их, следователей угро, со следователями прокуратуры. Те, поди, уж вернулись из медвытрезвителя, белая кость. У них машины, и не какие-то там развалюхи – “Волги”, и притом чёрные. И притом, почти у каждого. И что за дискриминация служб? Ведь одно дело делаем...

Автобус шёл, слегка покачиваясь, посвистывая амортизаторами. Для горожанина звуки привычные, как шум и скрип леса для егеря, на что не обращаешь внимания, не отвлекаешься от главного, от мыслей, от целей, породившие их.

Однако вскоре слух Анатолия уловил нечто, что вывело его из задумчивости. Слух настояжили: не то стоны, не то смех.

Анатолий обернулся. На двух последних сидениях, повернутых к задней площадке, сидели ребята-подростки. Они хихикали, перешептывались, показывая пальцами на девочку, стоявшую у задней стенки автобуса, отвернувшуюся к окну. Он тоже глянул на девочку. Ничего смешного вроде бы не находил в ней. Стоит спиной к салону, прилипла к поручню. Что смешного?..

И всё же среди пацанов чувствовалось какое-то не совсем обычное оживление. И эти ехидненькие ухмылки, сюсюканье, шуточки...

Анатолий ещё раз перевёл взгляд на девочку. Она была в белой футболочке с короткими рукавами, в короткой “колокольчиком” юбочке на лямочках. Щупленькая, угловатая, плечики её подрагивали, похоже, плакала. Росточком не из карликовых, и ножки ладненькие. Стоп! – ах, вот оно что...

Из-под юбочки, по рельефным контурам ног, стекали струйки крови. Девочка стояла, скрестив ножки, видимо, стараясь такими усилиями сдержать течь. Анатолий в первую секунду тоже удивился, даже хмыкнул, но когда вновь услышал подхихикивание пацанов: “Во-во, опять потекло! Ха!..” – почувствовал неловкость.

Легонько отвесив подзатыльник отпустившему шутку, прицыкнул:

– А ну, заткнитесь!

На ходу, расстегиваясь и снимая рубашку, сошёл на площадку. Бросив на поручень рубашку, сдёрнул с себя тельник. И, наклонясь к девочке, сказал:

– На-ка, дорогуша, майку. Оботрись. Я тебя загорожу.

Испуганные, залитые слезами глаза смотрели на него в недоумении.

– Давай, давай. Приводи себя в порядок, – Анатолий повесил на поручень майку.

Повернувшись к салону, загородил рубахой и собой девочку.

Подростки молчали, виновато и с интересом глядя на мускулистого парня. При покачивании автобуса, на его теле играли мускулы – он старался сохранять устойчивость, равновесие. Шрам на левой груди от пулевого ранения мальчишек примагнитил. Женщины в салоне смотрели на него с благодарностью.

Перед следующей остановкой девочка осторожно тронула его за руку. Он наклонился к ней.

– Ну как, всё?

Она смущенно кивнула и спросила, чуть ли не шёпотом:

– Что теперь делать с вашей майкой?

– Спрячь в трусики. Может ещё понадобится?

Девочка обрадовано затрясла головой.

– Ага, сейчас. Прикройте...

Анатолий опять повернулся к салону.

– Вот теперь всё! – повеселевшим голосом шепнула девочка сзади.

Она стеснялась смотреть в салон автобуса, и фигура благородного незнакомца была для неё спасением.

– Спасибо вам! – сказала она, боясь поднять на него глаза.

– Пожалуйста, если есть за что? – улыбнулся парень, повернувшись к ней.

– Ой! Что вы! Ещё как есть. Я такого натерпелась...

Он надевал рубашку, запихивая её подол в брюки.

– Как же мне передать вам майку? – прошептала она.

Анатолий усмехнулся.

– Оставь себе на память. – Застегнув на три нижних пуговички рубашку, навалился на поручень рядом с ней. – Тебя как звать?

– Аня. Аня Шпарева. Запомните мой адрес, – и назвала ему уже знакомые координаты, те, которые он только что, минут пятнадцать назад, записывал в записную книжку. Хотел тут же задать ей несколько вопросов, но вовремя сдержался. Надо вначале поговорить с заявительницей.

Но, видимо, его выражение лица её насторожило, и вызвало у Ани свой вопрос.

– Вам что, знаком наш адрес?

Он доли секунды помедлил и ответил:

– Нет. Просто совпадение. У меня родственники живут тоже под счастливыми номерами, только квартал другой.

Аня осмелела и теперь смотрела на него с обожанием. Что его несколько смущало. Даже скорее не это, а глаза – лучистые, открытые и взгляд мягкий, тёплый.

– Одиннадцатый микрорайон. Следующий – двенадцатый, – объявил водитель автобуса.

На остановке ребята, поглядывая на интересную парочку, высыпали из автобуса и там, на площадке, похоже, продолжили обсуждение случившегося. Для них, видимо, подобное явление было чем-то диковинным, вызывающие похотливые, никчемные мыслишки. Собственно, и удивляться нечему, виной всему – наша непросвещенность в умах и отсюда, вполне естественные вещи не укладывались в них и сознательности не пробуждали.

Автобус удалялся и, девочка, глядя на мальчишек, с обидой сказала:

– Дураки, – глубоко с перерывом вздохнула, успокаиваясь после пережитого.

– Да, – согласился Феоктистов, отвлекаясь от своих размышлений.

Он улыбнулся ей и почувствовал, как по сердцу прокатилась волна нежности, как бывало к младшей сестрёнке. Захотелось сказать что-то ласковое, успокаивающее, даже приобнять. Но спросил буднично:

– Ты откуда едешь?

– С водохранилища. Там у меня и началось... Думала, успею.

– Это у тебя впервые?

– Ага. Пришли как-то вдруг неожиданно. Хотя и ждала давно. К врачам мама водила.

– Зачем?

– Задержка большая. И низ живота сильно болел. Операцию хотели делать. Девочки моего возраста давно уже имеют... – доверительно в полголоса говорила Аня. Этот парень почему-то вызывал на откровение.

Её доверчивость трогала, от этого подмывала тёплая волна нежности.

– Сколько же тебе лет, Анечка?

– Пятнадцать... будет скоро, – ответила она и спохватилась: – Ой! Мне же сейчас выходить.

Автобус начал притормаживать.

– Двенадцатый микрорайон, – объявил водитель.

– Тебе же до “Парка Строителей”? – сказал Анатолий.

– Я дальше на трамвае, мне так быстрее и ближе.

Он пожал плечами и отстранился, уступая ей дорогу.

Автобус остановился. Двери с шипением открылись, и Аня с заметной осторожностью спустилась на площадку остановки.

Автобус тронулся. Девочка стояла у обочины и махала ему рукой. Юбочка впереди слегка выпирала, видимо оттого, что Аня запихала его майку в трусики комком. Это Анатолия насмешило и ещё больше вызвало к ней нежные чувства.

5

Феоктистов, как и предполагал, опоздал. Прокуратура уже уехала. В дежурке находились четверо: старший лейтенант Бахашкин, старший сержант Саша Галимханов и двое из отделения милиции: капитан Егор Кузмин – дежурный второго отделения и сержант водитель ПМГ, что стоял во дворе. Они мирно беседовали и даже посмеивались.

– О! Каво суда занесло! Граф! – воскликнул Саша. И подался на встречу.

– Здравствуйте! – поздоровался Феоктистов, подходя к стойке. Саша перед ним растворил дверцу.

– Прошу!

Анатолий вошёл и стал со всеми здороваться за руки. Затем устало сел на лавку, спиной прижавшись к прохладной стене.

– Фу-у, пристал, пока до вас добрался.

– Вам так и не дают машину? – спросил капитан.

– А зачем? Ноги молодые, длинные, топчи да топчи их, развивай мускулатуру, – ответил Феоктистов с усмешкой.

– Не боишься истоптаться?

– Боюсь

– Так позвонил бы, приехал бы, – участливо воскликнул Саша. – Мы друзьям всегда рады услужить, и машинку подать, и кабинет лучший предоставить.

– Да как-то не сообразил, – с действительным сожалением ответил Феоктистов.

– Для графа, подали бы кадиллак в лучшем виде.

– Хм, вам до меня ли было?

– А какие проблемы?

– Так у вас, говорят, тут кто-то не то сварился, не то изжарился?

– Сварился.

– Сильно?

– Да нет, насмерть, – пошутил Саша.

– Как саплёнка, – поддакнул Бахашкин, стараясь попасть в тон начатого Сашей разговора.

– Как это произошло?

– Так ты суда за этим и припёрся? Хм, стоило. Мы уже давали показания, – Саша кивнул на капитана, – вот, при них. К Малиной, к ней теперь иди.

Феоктистов недовольно повёл плечами.

– Слушай, Галим, давай так договоримся: ты меня не учи, что мне делать и как. У следователя прокуратуры свои задачи, у нас, то есть у уголовного розыска, свои. Усёк?

Похоже, посещение прокуратуры на этих ребят не подействовало угнетающе. Ни Шалыч, ни Галим не прибывали в трауре. Но наглость Галимханова задела Анатолия. И он назидательно добавил:

– И если мне понадобится, то ты, Галим, мне будешь показания давать не раз и не два, и не там, где тебе захочется, а где я сочту нужным.

– Ну, разошёлся. С ним и пошутить нельзя.

– Можно, почему нельзя? Ха-ха, – добавил Анатолий с сарказмом.

– Я и пошутил. Мы ж, граф, свои люди, – заговорил Саша уже с заметной елейностью в голосе, делая на прозвище Феоктистова смысловое ударение.

– Ну, раз признаешь меня за своего, так и рассказывай всё по порядку, и поподробнее. С примерами на месте происшествия.

Бахашкин почувствовал себя неудобно, закрипел на стуле. Что-то у Саши диалога с графом не получается. Может, надо было как-то по-другому? Это ж не Малина. Шалыч один сидел за столом, все остальные – на лавках. Саша стоял, навалился задом на угол стола. Стол поскрипывал под движениями его тела.

– Ну, кто будет рассказывать? – спросил Феоктистов.

– Ну, давай я, – сказал Галимханов, бросив короткий взгляд на своего начальника. Тот одобрительно прикрыл глазки. – Значит так. Утром звонят нам Андрей с Серегой из “Победы”. Пьяного, мол, заберите в сквере “Пионеров” отдыхает. Лежит, мол, там, в обнимку с “солнцедаром”.

– Во сколько это было?

– В одиннадцатом часу.

– Какое ж это утро? А кто такие Андрей и Серега?

– Мои, из отделения, – ответил капитан. – Патрулировали по городу, и зашли в сквер.

– Так, дальше.

– Я съездил. Он ещё в сквере начал бузить. А сам, как паралитик, на ногах не стоит. Еле запихали в будку. Привёз, а он и здесь начал собачиться. Еле раздели и в душ сунули. Вдвоём с Васькой.

- Били?
- Хм, ну дал поджопник.
- Вот этим, сорок пятым?
- Сорок третьим. Так, слегка, лодыжкой.
- Ладно-ладно, брось из себя архангела изображать. Дальше?
- А чё дальше? Закинули в кабинку и включили душ.
- Пойдём, покажи.

Феоктистов вышел из дежурки, за ним Галимханов.

Три душевые кабинки. Все закрыты. Возле стены напротив дверей душевых стоит кушетка, обитая чёрным дерматином.

Саша, показывая на неё, хохотнул.

– Под эту гильятину Глотка попал.

– Как?

– Посреди коридора стояла. Я когда выскочил из кабинки, в пару на неё наскочил. Опрокинул. А тут Глотку поднесло – ему на лапы. Ха-ха! Визжал, как сучка под трамваем.

Галимханов открыл третью кабинку, и Феоктистов вошёл в неё. Узкое и высокое помещение, как гигантский пустотелый кирпич, перевернутый и поставленный на попа. Душевой гусак торчал из стены на высоте метров трех. С большого раструба с многочисленными отверстиями всё ещё подкапывала вода. На полу лежала узкая деревянная решетка, поверхность её была ещё бурой, щетинистой от горячей воды.

– Пациент что, не мог отодвинуться в угол?

– О чём ты говоришь? На ногах не стоял.

– Кто включал воду?

– Не помню, Толя... – замялся Саша. – Суматоха была. Кажется, Васька.

– А почему горячую?

– Да кто ж её включал? Её только чуть добавляем, чтоб клиента не застудить. – (Феоктистов иронично усмехнулся: гляди-ка какая забота!) – Да видно в ЖЭКе холодную воду вырубали, вот и пошла горячая. Мы понять сначала не могли: откуда пар, почему?

– А клиент что, молчал, не кричал?

– Да какой – кричал, – отмахнулся Саша. – В стельку был. Последняя стадия опьянения.

– Мда... – с раздумчивостью протянул Анатолий, оглядывая кабинку.

Вернулись в дежурку.

– Так, братва. Ты, Шалыч, и ты, Галим, напишите мне объяснительные, – сказал Феоктистов.

– Дак, зачем? Мы ж только што писали? – спросил Бахашкин в недоумении.

– Зачем? – передразнил Феоктистов добродушно. – Ты что, впервые в органах? Или мне тебе объяснять?... Пишите. И поподробнее. А где Васька и ваш медработник?

– В сангородок увезла “скорая”, – сказал Саша с усмешкой. – Тоже пострадали.

– Что у Мизинца?

– Да тоже об кушетку челюсть сломал. Ха-ха! Всю морду о кафельный пол разбил.

Присутствующие тоже усмехнулись.

– Ладно, пишите вы. С них я потом возьму. – Бахашкин с Галимхановым переглянулись. Феоктистов достал сигареты, сказал: – Пишите, я пойду, покурю. Пойдем парни.

Капитан и водитель поднялись, и они вместе вышли на крылечко, широкое в одну ступеньку.

Медвытрезвитель вдавался внутрь микрорайона и находился на некотором расстоянии от дороги и от жилых домов. Он был слева, позади высокой железобетонной ограды, огораживающей огромную территорию магазина “Хозтовары” с его складскими помещениями, крыши которых виднелись из-за ограды.

От ворот до входа в учреждение раскатана чёрным блином асфальтированная площадка. С боку здания укатанная поверхность из щебня, на которой, уткнувшись в бетонную ограду, как бык лбом, стоял асфальтовый каток, рядом с ним припаркован “воронок” ГАЗ-56. С их металлических поверхностей курилась прозрачная дымка. Было душно от жары и чада, исходящего от свежего асфальта.

Из-за асфальтного чада курить расхотелось. Помяв сигаретку в пальцах, Анатолий сунул её обратно в пачку. Стоял и слушал своих собеседников. Собственно, разговор был не о чём, он не касался события, произошедшего в данном заведении. Милиционеры, видимо, не хотели делиться мнением о нём при открытых дверях.

Минут через пять-семь появились Бахашкин и Галимханов. Феоктистов принял листы у одного и другого и, посмотрев числа и подписи на них, свернул их вчетверо, вложил в карман рубашки.

– Ну ладно, убивцы, – (в шутку). – Побегу дальше. В сангородок схожу, на вашего рака гляну. Повидаюсь с вашими коллегами, или калеками.

Шалыч неуклюже затоптался на месте, Галимханов же сказал:

– А че на рака смотреть? Тебе пришлют заключение. А эти полудурки, поди, уже спят после наркоза?

– Галим, я, по-моему, тебе уже говорил – не учи. Я ведь тебе не подсказывал, как клиентов обслуживать.

Галим с видимым безразличием пожал плечами: как знаешь...

– Садись, Толя, подкинем, – предложил капитан. А Бахашкину сказал: – Если нужна будет помощь, звони.

Шалыч, затряс головой. Лицо его лоснилось от пота.

– Ланна...

Феоктистов обвёл ироничным взглядом “убивцев”, серое одноэтажное здание и, не прощаясь, пошёл вслед за капитаном к ПМГ. Его провожали настороженные глаза убийц.

В машине некоторое время ехали молча. Капитан сидел на первом сидении, курил.

– Ты веришь им, Граф? – спросил он, не оборачиваясь.

Феоктистов пожал плечами.

– Время покажет, Гоша...

– Мне, честно говоря, не очень... Шалыч, это не просто прозвище. Это производное от слова ошалелый. В минуты ярости может чёрте что натворить. Да и Галимка не лучше.

– Собрались у кормушки, – добавил Ваня.

– Как это? – спросил Анатолий, под видом простачка.

Ваня усмехнулся.

– А что тут не понятного? Обирают пьяных. А на утро с бодуна докажи он, бедолага, что у него были деньги в карманах или ещё что-нибудь ценное? Мало ли где тебя валяло и катало, меньше пить надо... Васька у нас работал, кое-что из ихней секретной службы проговаривался. Да и так слухов больше, чем достаточно. А то, что Шалыч, боксер со стажем – это давно известно. Вон, и сейчас казанки на пальцах все в йоде. Метелил, видать, этого бедолагу и вдоль и поперёк.

Вынырнув из проулка посёлка Северный и перескочив трамвайную линию, подъехали к поликлинике сангородка.

– Ну всё, господин-товарищ граф, приехали, – улыбнулся Ваня, обернувшись.

– Спасибо, парни, – сказал Анатолий. Но вышел не сразу. Обратился к капитану: – Гоша, скажи-ка своим хлопцам, пусть они составят мне пояснительные записки по поводу ими задержанного пьяницы. Может, пригодятся.

– Хорошо.

ПМГ заднем ходом переехала трамвайные линии, развернулась и покатила параллельно им в город.

6

Сангородок – большой больничный комплекс. Он состоял из несколько корпусов двух и трехэтажных зданий и одного пятиэтажного, нового, два года назад введенного в действие, стоящий отдельно от старой части и отгороженный серой бетонной оградой. Старая часть комплекса утопала в зелени среди разросшихся деревьев и кустов, тогда как перед пятиэтажным только-только начали тянуться вверх молодые посадки клёнов и тополей.

Через узкие воротца в больших металлических воротах, из прутьев и приваренного листа понизу, Феоктистов ступил через него на ковер зелёного поля, усыпанного жёлтыми головками одуванчика и белыми – ромашки. Направился по тропинке к пятиэтажному зданию, в торце которого с левой стороны на первом этаже находилась “скорая помощь”, “приёмный покой” и кабинет “до врачебного обследования”.

На пологом парапете стояла машина РАФ, возле которого колдовал шофёр.

Феоктистов поднялся по асфальтовому въезду, приостановился, оценивающе присматриваясь к молодому водителю.

Из приёмной из окна Анатолия заметила рыжеволосая девушка и стала спешно приводить себя в порядок: поправлять волосы, белый колпак на голове, подновлять помаду на губах, заглядывая в зеркальце... Словом, проделывать всё то, подо что можно было бы запрятать свои тридцать лет с хвостиком, как иронично подшучивает она сама над собой.

– Привет, Маячка! – поздоровался Анатолий, входя в приёмный покой. Он умышленно называл девушку так, через “я”, делая на нём ударение. Поддразнивал.

– Здравствуй, Толик! – Мая расцвела в улыбке. – Давненько тебя не видно было. Совсем забыл дорогу.

– Просто не попадаю в твоё дежурство.

Он сел к столу на свободный стул напротив неё.

– Ну да! Под дежурство он моё не подпадает. Ты посмотри-ка! А домой ко мне что, тоже дорогу забыл? Или до того бандиты замотали?

– Маячок! – он, защищаясь, поднял руки. – Мы ж с тобой уже договорились. Зачем снова к этому возвращаться? И ты, как я слышал, замуж вознамерилась? – кивнул за окно, на РАФ, возле которого возился водитель.

– Если возьмут? – с натяжкой улыбнулась она. – На вас-то надежды нет. Только обещания...

– Когда же я такое мог обещать? Ты меня, Маячка, с кем-то путаешь. Я в таких вопросах человек осторожный.

– Оно и видно, десятой дорогой обегаешь, как хулиган милиционера, – обида слезами начала выступать на глаза.

– Всё, всё, всё, Маячок. Ты хороший человек, это в тебе и ценно, но давай на этом сменим тему. Сейчас я пришёл по делу, давай о нём и поговорим. Или мне обратиться к врачу? Кстати, где она?

Мая, поджав губки, кивнула на закрытую дверь кабинета “до врачебного осмотра”, где находился кабинет и дежурного врача. Анатолий шутливо щелкнул Мае по кончику носа.

– Ну, чего нос повесила? Говорят, за молодого, красивого выходишь, вот и атакуй. Парень вроде бы ничего.

Она грустно улыбнулась.

– Вот так уже лучше, – подмигнул он. – На свадьбу не забудь пригласить. – И уже серьёзно спросил: – В вытряхители кто выезжали?

– Я и Полина Васильевна.

– Ну, вот и расскажи.

Мая вздохнула, освобождаясь от нахлынувших чувств. Стала рассказывать:

– Приехали, а там, как после бомбежки. Двое в кабинке: один мертвый, другой в крови, стонет, плачет. Третий по залу катается на горбу, ноги едва ли не за пазуху засунул от боли. Два мильтона места себе не находят, мечутся по медвытрезвителю, как солитеры в обмороке.

– Как-как? Ха-ха! – рассмеялся Анатолий. – Ну и сравненьице. Чисто специфическое. А теперь припомни, что они говорили, эти солитеры?

– Да много чего... Разве всё припомнишь?

– Припомни, хотя бы относительно покойника.

– Вроде как ругали сантехников или ЖЭК, дескать, отключили холодную воду, сварили мужика, угробили.

– Вас во сколько вызвали? Давай, посмотрим журнал вызовов.

– Словам не веришь? – она раскрыла журнал.

– Смотря каким.

– Моим.

– Ну что ты, Маячка...

– Вот. В 12.41 нас вызвали. В 13.30 вернулись. Доставили больных: Мизинцева – с побоями и переломами нижней челюсти, и Глотко – с ушибами ног.

Феокистов посмотрел на часы: два часа прошло...

– Почему с побоями? Он, как говорят, об пол убился?..

– Не знаю, что у них там происходило, но, по-моему – побои.

– Так, ладно, разберёмся. Где сейчас труп?

– В анатомке.

– Как думаешь, его уже обследовали?

– Наверно.

– А кто там? Игорь Васильевич?

– Да.

– А те, двое, где?

– В травматологии.

– Ну что же, Маячок, дай я тебя в щёчку поцелую, в знак моего искреннего уважения к тебе. – Поднялся со стула и чмокнул Маю. Она не сразу убрала подставленную щеку, но, не дождавшись, повтора, капризно усмехнулась.

– Какой ты щедрый...

– Ну, Маячка, это уже будет лишнее, перебор. Лучше дай халатик, к Игорю Васильевичу схожу.

Мая со вздохом поднялась, прошла к шкафу и подала из него халат. Он, накидывая его на плечи, подмигнул девушке и пошёл к двухстворчатым дверям, ведущим внутрь корпуса, к подземному переходу.

Подземный коридор, сверкающий чистотой и кафелем, блистая в ионовом свете, словно облитый маслом, принял посетителя прохладой. Шаги гулко раздавались по коридору от бетонного крашенного коричневой краской пола.

7

В кабинете патологоанатома у раковины стоял сухощавый, стройный человек лет пятидесяти. Он был в белом халате, в белой шапочке на седеющей голове. Мыл руки. Встряхивая с пальцев воду, обернулся на вошедшего.

– А, Анатолий Максимович! Проходите, – показал рукой в направлении стола у стены, возле которого были приставлены два стула с двух противоположных сторон.

Феоктистов кивнул на приглашение и прошёл.

Доктор, тщательно вытерев руки о полотенце, висевшее у раковины, подошёл к Анатолию.

– Ну, здравствуйте, Анатолий Максимович! – протянул тонкую ладонь с длинными пальцами.

– Здравствует, Игорь Васильевич! – обменялись рукопожатиями.

– Прошу, – ещё раз показал на стул, стоящий ближе к стеклянному шкафу, на полках которого лежали и стояли всевозможные инструменты, склянки, фарфоровые чашечки, ножницы, вата, какие-то свертки завернутые в непроницаемую пленку. – Ну-с, что на этот раз вас интересует? Хотя догадываюсь.

– Да, Игорь Васильевич, обваренный.

– Так-с, так-с. Ну что же, кое-что уже можно сказать вполне определенно... Так вот, человек умер не от ожогов и не от перегрева организма.

– То есть? Отчего же? – Анатолий удивленно вскинул на доктора глаза.

– От инфаркта миокарда. У него была ишемия.

– Вот как! А вы не могли ошибиться?

– Ну-у, Анатолий Максимович... – с плохо скрываемой обидой произнёс Бердюгин. – Чтобы у вас не было никаких сомнений на этот счёт, мы вам представим официальное заключение. И как только вы установите личность потерпевшего, вы установите и то, что он состоял на учёте у терапевта именно по этому виду заболевания.

– Сколько ему было лет?

– Пятьдесят три-четыре.

– А может, он от сильного алкогольного опьянения скончался? Он ведь из медвытрезвителя?

– Хм. Анатолий Максимович, ещё не зная лабораторных анализов, могу с уверенностью сказать – покойный не был пьян.

Феоктистов ещё больше удивился и дёрнул уголком губ, невольно подражая своему начальнику, причмокнул; дурная привычка, как наследственность.

– Ой-е-ёй!.. Вот это уха из петуха...

– Да-с, молодой человек. Но подождем анализы.

Бердюгин взял ручку и стал что-то записывать в журнале. Феоктистов сидел какое-то время неподвижно, усваивая информацию. Потом потянулся к телефону.

– Разрешите, Игорь Васильевич?

Тот кивнул: пожалуйста...

Анатолий набрал номер. Послышались гудки: занято. Вновь набрал. И вновь занято. Он посидел какое-то время, слегка наклонившись над телефоном. Лицо его было задумчивым и сосредоточенным. Спросил:

– Из прокуратуры никто не приезжал?

– Зачем? Они ждут заключения. Это вам не сидится.

Следователь вновь набрал номер телефона. Послышался знакомый голос.

– Алле, Гоша. Это Феоктистов... Слушай, я просил тебя взять с патруля объяснительные... Так вот, попроси их написать полный отчёт по этому задержанию, притом самым подробнейшим образом: часы, минута, а так же о чём говорили с задержанным, и что он им говорил. Так. И мне самому с ними хотелось бы поговорить... Я?.. Да где-нибудь через полчаса, час. Они когда меняются?.. В двадцать. Они рядом? Так дай им трубку... Кто?.. А, Васюков. Слушай, Сергей, ответь мне пока на один вопрос: во сколько вы подняли отдыхающего в сквере?.. В 9.10 обнаружили. В 9.27 отправили. – (“Хм... А, эти олухи, что мне написали?!.”)

– Ну и ещё один вопрос на засыпку. Он сильно был пьян? От него пахло?.. Не знаешь, не нюхал... Бутылку “солнцедара” залудил. Ну-ну... Ну что же, скоро узнаешь, и нюх у тебя и твоего напарника прорежется. Напишите мне объяснительные самым подробнейшим образом и ждите меня. Я заеду, – положил трубку. – Идиоты!

Феоктистов посидел, обдумывая дальнейшие свои действия.

Молчание прервал Бердюгин, до этого искоса наблюдавший за ним.

– Анатолий Максимович, вы верите в то, что в человеке есть душа? Я имею в виду не абстрактное и не религиозное её понимание и толкование, а как субстанцию? – он с насмешливым прищуром посмотрел на собеседника.

– Да как-то не задумывался. А что?

– Я в молодые годы тоже не задумывался, хотя в институте и начал почитать кое-какую литературу по этому вопросу: Платона, Шеллинга, Шредингера... Но больше наших, отечественных ученых-философов: Вернадского, Бехтерева, Мечникова, Циолковского. У многих учёных-теоретиков есть утверждение, что человек состоит из двух субстанций: биологической и духовной. А недавно промелькнуло сообщение, что ученые Гарвардского университета смогли установить – путём взвешивания умирающего человека и умершего, – что его вес уменьшается до шести грамм. По их утверждению, душа человека весит именно столько.

– И что, это даёт основание верить в её существование?

– Ну, если это не связано с погоней за сенсацией, то возможно. Я же, – он доверительно и мягко улыбнулся, – исхожу только из своих наблюдений.

– То есть... Вы тоже покойников взвешиваете?

– Нет. У меня другое... – Игорь Васильевич посерьёзnel.

– Что же? Или вы хотите сказать, что там за стенкой, – Анатолий показал большим пальцем левого кулака на стену, – у этого трупa душа расхаживает по моргу?..

– Вы не допускаете подобного?

– Хм... – Феоктистов недоверчиво, со скрытой подозрительностью на вменяемость, посмотрел на собеседника. Он даже незаметно поежился, почувствовав себя неуютно в морге.

Бердюгин засмеялся, поняв его состояние.

– Успокойтесь, Анатолий Максимович. Я нормальный человек и в здравом уме. Я ведь хирург-травматолог и патологоанатом по совместительству.

– Я знаю. Хирург и большой сторонник доктора Илизарова.

– Вот видите, – опять засмеялся Игорь Васильевич. – Не так уж я безнадежен. А если учесть, что я у Илизарова кое-чему и научился – это вы можете наблюдать в отделении травматологии...

– Вертолетчики не в гипсе, а с металлической арматурой?

– Да... то шансы мои повышаются? – Анатолий, улыбнувшись, кивнул. – Однако вашему сотруднику я на спицы челюсть сажать не стал. Предоставил другому хирургу из отделения поработать – сшить. Придётся Мизинцеву через соломинку питаться, бульончиком, чайком, молочком.

– Не повезло парню. Они там, в пару сами поперекалечились.

– Хм. Не знаю, не знаю, что у них там было... Однако, как надо биться головой о цементный или кафельный пол, чтобы самому себе сделать из лица отбивную котлету?

– У него что, кроме челюсти есть ещё какие-то повреждения?

– Да на нём лица нет! На теле кровоподтёки. Такое может быть только после жесточайших побоев.

– Игорь Васильевич, вы мне сегодня одно интереснее другого преподносите.

– А вы сходите к нему. Посмотрите на его лицо и попросите раздеться.

– Хорошо, непременно. Только, мне кажется, что вы ещё хотели мне что-то рассказать?

– Ну, если вас интересуют вопросы духовной субстанции, то можем продолжить.

– Пока есть время, пожалуйста.

– А вы не усмехайтесь так недоверчиво. Если вы не побоитесь, то я вам могу предоставить случай в этом убедиться. – Бердюгин выжидающе с насмешкой посмотрел на Анатолия. – Ну, так как? Хотите увидеть то, что отвергают материалисты? Или побоитесь?

– Да нет, почему же... Я с удовольствием.

– Не бледнейте, это не страшно. Даже, наоборот, забавно.

– Я готов, Игорь Васильевич.

– В таком случае, Анатолий Максимович, я хочу взять с вас слово.

– Слово? Какое слово?..

– А такое... Слово чести. Слово офицера. Слово на то, что вы сейчас увидите и узнаете – будите хранить в строжайшей тайне! И до тех пор, пока я вам не разрешу её открыть. – Бердюгин поднялся.

– Хорошо, Игорь Васильевич. В моём слове можете не сомневаться. Я его даю. – Феоктистов тоже встал и в шутку, по-пионерски, вскинул руку, ещё недостаточно серьёзно воспринимая слова Бердюгина.

Доктор, понимая его, заходил по кабинету, пускаясь в объяснения.

– Я, почему к этому так скрупулёзно отношусь, Анатолий Максимович? Эта моя научная разработка, ещё не во всем совершенная, требующая ряд модернизаций и испытаний. Я даже моих коллег к сему предмету не подключаю.

– А меня, почему решили посвятить?

– Вас?.. – Бердюгин приостановился и загадочно улыбнулся. – Есть “почему”. Но об этом позже. Есть у меня одна мысль... – он прошёл к сейфу, к невысокому белому ящику, стоявшему в дальнем углу за стеклянным шкафом.

Бердюгин открыл его и достал один за другим два чёрных футляра: один – от бинокля, другой – продолговатый, похожий на студенческий туб, длиной сантиметров шестьдесят. Бинокль повесил на плечо, а цилиндр подал Феоктистову.

– Берите и пойдёте. Только осторожно, не выроните.

Закрыв сейф, и направились из кабинета.

Они вошли в траурный зал, где стояла справа тумба, обитая красным, уже потёртым бархатом, – место для гробов и оплакивания усопших. Вдоль стен – ряд спаренных стульев и кресел. Слева две широкие двухстворчатые двери: секционная и холодильник. За дверью секционной маленький коридорчик, в котором стоят кушетка, застеленная простыней. Бердюгин положил на неё футляр бинокля и закрыл за собой двери коридора на ключ.

Вернулся. Принял от Анатолия туб, положил его на кушетку. И стал по очереди раскрывать футляры. Из футляра бинокля на простынь легла одна половинка от бинокля ночного видения. Затем из тубы Бердюгин извлёк чёрный, обклеенный дерматином, цилиндр, у которого с обеих сторон были стекла и с одного конца – защелки, крепления для монтажа. К цилиндру подведены два проводка с небольшим разъемом.

Доктор снял с окуляра бинокля заглушку и прикрепил к нему трубу при помощи четырёх защёлок. Из футляра бинокля, из его второго отсека, достал четыре цилиндрических батарейки, стянутых синей изолентой, и положил их в карман своего халата. Собранный прибор подал Феоктистову.

Анатолий принял, с интересом и осторожностью стал осматривать его, покачивать на руках, как бы взвешивая: прибор был лёгок вопреки ожиданиям.

И молчание Бердюгина, даже какое-то торжественное, сосредоточенное, чёткость в движениях при сборке прибора, и не обычная обстановка, и помещение, в котором должно произойти нечто загадочное, – всё это на Анатолия действовало возбуждающе. И в то же время заставляло подчиняться, не задавать лишних вопросов, ходить и двигаться с величайшей осторожностью, задерживая в себе дыхание.

И он действительно готов был не дышать, словно боялся вспугнуть тишину, в которой где-то существуют души умерших. Сказки, рассказанные Бердюгиным, однако отложившиеся в подсознании, и эта часть мозга, может быть, в его десяти тысячной дольке, в нейроне, даже, может быть, в каком-нибудь дендрите или в эффекторном нервном окончании, диктовали ему свою волю, вопреки, казалось, здравому смыслу.

Они вошли в саму секционную. В помещении было темно. И эта темнота ещё более усилила напряжение, даже, пожалуй, мистический страх. Анатолию стало немного жутковато, по спине пробежали холодные мурашки.

Бердюгин же действовал по-хозяйски быстро, прошёл куда-то вглубь помещения и включил в углу над стеклянным столиком бра, висевшую на стене. Теперь секционная была тускло освещена. Небольшая глухая высокая комната без окон, стены от пола до потолка облицованы белой кафельной плиткой. В центре стоял операционный стол, на котором лежал покойный. Над столом висел большой светильник из пяти-шести ламп.

– Анатолий Максимович, – негромко позвал Бердюгин.

Феоктистов подошёл. Доктор забрал у него прибор.

– Пока посидите, – показал на один из двух стульев, стоящих у столика.

Феоктистов сел. Другой стул Бердюгин взял, развернул и сел на него верхом. Достал из кармана маленький разъем с проводками от батареек, соединил его с разъёмом прибора. Затем локти поставил на спинку стула и приложил прибор к глазу, как подзорную трубу. Какое-то время наводил резкость, вращая окуляр бинокля. Щелкнул тумблерком на приборе и замер.

Замер и Феоктистов, глядя, то на Игоря Васильевича, то на труп. В сумеречном свете лицо доктора казалось восковым.

Наконец Бердюгин отклонился от окуляра и пальцем поманил Анатолия. Сам поднялся со стула. Анатолий прошёл и сел на освободившееся место. Доктор передал ему прибор и негромко сказал:

– Толя, не волнуйтесь, не дергайтесь, держите прибор ровно. Наведите его на труп... Смотрите и ничего пока не говорите. Не будем мешать процессу...

Анатолий припал к окуляру. Замер...

Перед его взором лежало тело, а над ним висело оранжевое облако, светящееся и слегка покачивающееся, словно его раскачивали удары сердца – ритмично: тук-тук, тук-тук... Он даже как будто бы слышал эти удары, и оттого стало вновь жутковато, и по спине пробежал холодок. Анатолий невольно поёжился.

В облаке происходило движение: нижний слой перетекал в верхний, верхний – в нижний. И тот слой, что оказывался в верхней части, словно фосфоресцируя, испарял из себя искрящиеся частицы и перекатывался вниз. Происходило что-то, напоминающее кипение, только тут процесс протекал медленнее и красиво, с феерическим эффектом.

Световая гамма над трупом была не везде одинакова. У ступней ног, со стороны которых Анатолий вёл наблюдение, она казалась насыщенной розовым цветом. И он, заметив это, с иронией подумал: “Душа через пятки выходит!..”

Примерно такой же цвет был и над головой. Он источался откуда-то из середины лба, как будто бы из третьего глаза, курился тонкой струйкой так же, как из ступней ног, из пяток.

Но самый насыщенный цвет находился над областью сердца, над грудью – он был тёмно-красным и к нему от всех “органов” стекались и растекались тона и полутона. И все они (эти потоки) перетекали из одного слоя в другой медленно и спокойно, отчего над телом образовывалось искристое и серебристое дымчатое облако. Тёмно-красное пятно напоминало форму сердца, оно и “билося” с таким же интервалом, “прокачивая” по всему “телу” серебристые потоки и в то же время, поглощая возвращающиеся тёмные потоки в себя.

Вся эта картина очаровывала Анатолия. Но во всей этой демонстрации не хватало чего-то объединяющего, объясняющего...

Феоктистов оторвался от окуляра и обернулся к Бердюгину. Тот был привязан к нему проводами и стоял рядом, наблюдал за ним.

– Ну что, похоже, насмотрелись? – спросил Бердюгин.

Анатолий сдержался от ответа и вновь припал к биноклю, теперь другим глазом. Смотрел ещё несколько минут, пытаясь понять смысл происходящего над трупом.

– Да, удивительно...

– А теперь посмотрите вон туда... – Игорь Васильевич кивнул вверх, на угол под потолок.

Анатолий направил прибор на потолок. И замер от ещё большего изумления. Сверху на покойника смотрело скорбное лицо сваренного. Голова круглая, вместо волос – оранжевые лохмы, и к этой голове, поднимались от покойника светящиеся блёстки. Они, как пузырьки через воду, пробивались к ней сквозь воздух. Казалось, воздух бурлил, гасил искрящиеся потоки. Анатолий не смог сдержать очарования. Теперь картина имела своё логическое завершение.

– Игорь Васильевич!.. Кошмар какой-то! – проговорил он, отстраняясь от прибора.

Бердюгин улыбнулся.

– Впечатляет?

– Да что вы! У меня у самого, наверное, волосы дыбом встали.

– Не пугайтесь. Пойдёмте. – Бердюгин принял прибор. – Выходите, я следом.

Анатолий, поглядывая на угол, в замешательстве вышел в коридорчик.

Через минуту появился доктор. Он хотел что-то спросить, но Бердюгин приложил к губам палец: тишина...

Они, молча, разобрали прибор и с футлярами вернулись в кабинет.

8

Феоктистов устало сел на стул. Бердюгин прошёл к сейфу, куда положил приборы.

– Фу-у, Игорь Васильевич, честно говоря, я ничего не понял. Но, однако же, удивительно! Поясните, пожалуйста, что это за облако над трупом? Что это за голова под потолком? Не это ли душа?

– Да, Анатолий Максимович, она самая.

– Но ведь... Но ведь... – Анатолий от удивления не находил слов.

– Толя... Извините, позвольте мне вас так называть?

– Да, пожалуйста, Игорь Васильевич.

– Так вот, Толя. Поверьте пока на слово: это не что иное, как человеческая душа. Возможно, такое происходит у всех животных. – Доктор положил ключ от сейфа в корман брюк. – Вы видели, как облако пульсирует? Заметили?.. Это энергия. Она выходит из остывающего тела. Ведь мы думаем, что человек, умерев, остывает за считанные часы? Но это не так. Впрочем, наверное, как и всё живое. На это понадобятся не одни сутки. Недаром же людей хоронят только на третий день. Это то время, за которое душа покидает тело. Но в каждые сутки происходит определённый процесс. Завтра, если вы сможете приехать, то мы сможем наблюдать уже несколько иное явление. То есть это облачко будет подниматься ещё выше, и оно будет волноваться ещё сильнее. А вот послезавтра... – Бердюгин понизил голос. – Я бы вам очень советовал посмотреть. Послезавтра, на исходе третьих суток, приблизительно в девять-десять часов, вы увидите такое, чего никогда и нигде не увидите в своей жизни. Ну, разве что в мультфильме.

– И что же интересного меня ожидает?

Бердюгин загадочно улыбнулся.

– Можно, я вас маленько поинтригую?..

– Ну что же, договорились: и завтра, и послезавтра я буду.

– Правда, этого труп, возможно, не будет. Но что-нибудь подберём. А теперь вы можете мне сказать, какого цвета облако?

– Ну-у... Вы знаете, оно мне показалось серебристо-оранжевым.

– Сплошь оранжевым?

– По-моему, у пяток и над головой красное. А где сердце, там кровавистое что ли?

– Хм, верно, кровавистое, – усмехнулся Бердюгин такому определению. – И что интересно: когда человек убит, над его головой и над сердцем – тёмный окрас; когда же умирает своей смертью, то всё облако одного серебристо-оранжевого цвета, и в районе сердца слегка красноватое пятно. И образ, который вы видели под потолком, тоже другой, бледнее, взгляд хоть и грустный, но не столь строгий, пронизывающий. И лицо трупа узнаваемо. Видимо, по обстоятельствам смерти. – Бердюгин посмотрел на угол потолка, взгляд Феоктистова непроизвольно последовал за его взглядом. Анатолий незаметно поёжился. – И со временем мне пришла одна шальная мысль, идея... – Бердюгин, всё это время рассказывал по кабинету, тут остановился и сцепил руки перед собой. – Идея, Анатолий Максимович, по-моему, не так глупа.

– Что за идея?

– Идея такая... Словом, я ради неё и посвятил вас в свою тайну... Хочу проверить её с вашей помощью, так сказать, провести опыт. Разумеется, если вы согласны?

– Так говорите. Если она не связана с нарушением закона и не влечёт каких-нибудь...

– Нет, Толя, не влечёт. Но с законом отчасти соприкасается... Но не спешите отказываться! Я вам всё сейчас объясню. – Бердюгин на несколько секунд призадумался, собираясь с мыслями. – Вам часто приходится расследовать преступления с летальными исходами. Да вот, хотя бы взять тот случай, с младенцем. Кажется, до сих пор не нашли его истязателя?

– Нет, нашли. Из Иркутска преступник.

– Да, но время сколько потеряли. Полгода...

– Времени, действительно, прошло немало. Но что делать? Человечество ещё не изобрело ничего лучшего, что помогло бы безошибочно изобличать преступника.

– Не изобрело? Но это возможно!

– Как?... Да покажите мне такого человека, я ему первый в ноги поклонюсь!

Бердюгин рассмеялся горячности Анатолия.

– Толя, может так статься, что вы сами себе и поклонитесь. И мне немножко.

– Не понимаю... Или вы полагаете... – Анатолий показал широко раскрытыми глазами на сейф.

– Да, Толя! Да!.. Ведь я так понимаю, что окрас облака и вид образа, то есть души – это не что иное, как возмущение против насилия. Это, по выражению Бехтерева, нервно-психологическая энергия. А энергии, как известно, свойственно передаваться. И если эта энергия целенаправленная, и душа убиенного протестует против насилия, то она будет, по-видимому, преследовать мучителя, душегуба. Ведь раз есть душа у убитого, то, естественно, существует подобная субстанция и в убийце. Следовательно, их души тоже должны каким-либо образом соприкасаться. Вот, скажем, вас обидели. Затронули вашу живую материю. Вы что станете делать?

– Наверное, отвечу тем же.

– То есть возмутитесь против насилия, оскорбления? Ну, а душа?... Почему душа не может возмутиться? Почему душа убитого не может прийти в прямое столкновение с душой обидчика? Ведь возможно такое?..

Анатолий в полном изумлении пожал плечами.

– Ну, я не знаю, что и сказать...

– Может! – твёрдо сказал Бердюгин и вновь заходил по кабинету. – Может. Раз существуют души, как равноправные субстанции, значит, должны существовать и их связи. В при-

роде не может быть ничего не взаимосвязанного. Не может. Мы просто не знаем этого. Мы ещё настолько мало проникли в эту область познания, что не можем объективно судить о ней. Но должна быть связь! В каком виде? – я не знаю. Может эта энергия будет в виде ореола над убийцей? Может в виде скорбного лица пострадавшего? Может быть, ещё в каком-нибудь виде, но она возможна. И вот это мне и хотелось бы установить.

– Как, Игорь Васильевич? Дорогой вы мой, только намекните, – загорячился Анатолий. – Я всё, что только от меня зависит...

– Спокойнее, Толя. – Бердюгин подошёл к столу и с облегчением сел, словно только что проделал тяжёлую работу. – Спокойнее. Тут нам горячиться нельзя.

– Хорошо, говорите.

– Я бы, может быть, ещё помедлил. Но тут, что называется, всё налицо: и жертва и преступники. Это очевидно. Для этого надо немного. Нужно каким-либо образом просветить ваших сотрудников из медвытрезвителя ультрафеном. Если моя гипотеза верна, то того, кто конкретно повинен в смерти этого человека, мы смогли бы установить.

– Да, Игорь Васильевич, нет ничего проще! – подскочил Анатолий. – Давайте сейчас же поедem в вытряхватель, и я их там – по стойке “смирно” выстрою.

– И сразу же всё дело погубим.

– Почему?

– Потому что этот прибор не законен. С его помощью сейчас нельзя даже явного преступника уличить. Разобьют или подадут в суд за незаконное применение технических средств. Я же вас предупреждал, что идея моя с законом соприкасается.

– А мы не будем им обличать никого. Мы просто сфотографируем им и только. И если подтвердится ваше предположение, остальное дело за мной. Хотя я и без прибора кое-что вижу. Правда, мне нужно ещё кое-какие детали выяснить. Те же анализы крови на предмет содержания в ней алкоголя.

– Ну, это мы сейчас узнаем. Наверное, готовы.

– Пожалуйста.

Игорь Васильевич повернулся к телефону. И пока набирал номер и пока разговаривал по телефону, он украдкой посматривал на Анатолия. Ему нравилась его горячность, деловитость. И он сам испытывал от разговора с ним удовлетворение.

– Алле, это кто?.. Вера Никитична, голубушка, это Бердюгин. Скажите, пожалуйста, анализы крови доставленного из медвытрезвителя готовы?.. Не все... Ну, хотя бы на содержание алкоголя?.. Так. Ну, спасибо. – Феоктистову: – Нет! Нет, Анатолий Максимович, у пострадавшего в крови алкоголя. Убили ваши brave молодые люди ни в чём не повинного человека... Как всё-таки нелепо... – горестно вздохнул врач и положил трубку телефона.

Помолчали. Первым молчание нарушил Феоктистов. Выдохнул со злостью:

– Ну, идиоты! Надо же, – и опустил кулаки на стол. – У них, видать, совсем барзомер зашкалил. Ну, ничего, это им так не пройдёт... Давайте решать, как с ними быть?

Бердюгин задумчиво посмотрел на собеседника.

– Даже не знаю...

– Осторожничайте?

– Да, наверное. Просто не хотелось бы, чтобы на первом же сеансе всё рухнуло. Я, Толя, столько лет и труда потратил на этот прибор. Обидно будет, если он сейчас же погибнет. Я ведь насадку не здесь делал, не в больнице. У себя дома и в гараже, там моя мастерская. Знаете, каким был прибор в первом своём виде?.. Раз в десять больше и тяжелее во столько же. – Он усмехнулся. – Вы себе представить не можете, как я его по частям сюда доставлял, здесь монтировал. На каталке катал под простынями, как покойника. В научную литературу ушёл с головой. Можно сказать, заново вузовскую подготовку прошёл. Кандидатский минимум могу сдать по ряду физическим дисциплинам. Хотя бы по ультрафиолетовым излучениям. По энер-

гетике. Ведь каждый человек ею обладает, только в разной степени. Вот что такое телепатия? Это не что иное, как передача энергии на расстояние. Или внушение, гипноз, экстрасенсорика – тоже энергия. Только одного Бог наградил этим даром больше, другого человека – меньше.

– Вы полагаете, что к этому причастен Бог?

– А вы?

– Природа...

– Хм. А как вы думаете, природой во всем её объёме и многообразии кто-нибудь управляет?

– Да кто же ею управляет? Она сама по себе.

– Заблуждаетесь, молодой человек. Я не религиозный человек, даже не крещён. Но я, постигая многие закономерности жизни, пришёл к выводу – нет в природе случайного и сама природа – есть процесс регулируемый.

Феоктистов снисходительно усмехнулся. Лекция на эту тему ему показалась скучной.

– Ладно, Игорь Васильевич, мы ещё не раз поговорим об этом, будет время, и я вас с удовольствием послушаю. – И, видя, как Бердюгин поджал губы, примолк, сказал: – Не обижайтесь, пожалуйста. Но сейчас меня больше интересует прибор. – Щелкнул пальцами правой руки. – Давайте к нему вернёмся.

– Ну что же, давайте, – в некотором смущении согласился Бердюгин.

– Командуйте, что нужно сделать? Машину достать? ПМГ подойдёт? С охраной?.. Сейчас организую.

Бердюгин испуганно замахал руками.

– Ни-ни, что вы! Мы же с вами договорились – полная конфиденциальность. А машина у меня и своя есть, маленький горбатенький “Москич-401”.

– Хорошо, предлагайте свой вариант.

Бердюгин немного задумался.

– А что, если у этих сотрудников каким-либо образом вызвать интерес к покойному? Чтобы они сами сюда приехали?.. Я бы подготовил прибор, установил бы его на штатив и поставил бы его, скажем, вот сюда...

Бердюгин поднялся и подошёл к свободному углу у двери.

– ...Они бы пришли, мы их усадили бы за стол, где вот вы сидите. Я бы повёл с ними разговор ни о чём, а вы в это время, как бы прохаживаясь, заглядывая во все углы, в окно, заглянули бы и в прибор... Потом замените меня в разговоре. Я тоже подойду к прибору. Если пожелают посмотреть они, то, пожалуйста. После меня они в него ничего не увидят. Прибор будет подключен не к батареям, а через выпрямитель, и я его незаметно выключу. Прибор станет обыкновенным ночным биноклем.

– Я понял, Игорь Васильевич. Звоню!

– Только, ради Бога, без тени нажима или намёка. – Бердюгин, возвращаясь к столу, делает руками пасы, как гипнотизер. – Умоляю! Это наведёт их на подозрение.

– Хорошо, хорошо, не волнуйтесь.

Феоктистов поднял трубку телефона и стал набирать номер. Лицо приняло ироничное выражение.

– Аллэ!.. Кто это?.. Ах, это ты, Шалыч. Ещё вас не арестовали?.. Ну-ну. Шалыч, у тебя машина под рукой?.. Хорошо. Слушай, вы, когда труп в “скорую” грузили, что-нибудь заметили на нём?.. Ничего, значит, интересного... А татуировку?.. Нет. Тогда я ничего не понимаю. На его теле выступили замысловатые рисунки. Два портрета, чем-то похожие на тебя и Галима. – Феоктистов прикрыл трубку и подмигнул Бердюгину. – Ты что, не веришь?.. Вот почему я и спрашиваю про машину. Давайте, садитесь, и одним махом сюда. Сами убедитесь... Ага, какая-то чертовщина. Ну, ждём. В анатомке...

Феоктистов положил трубку, и они с Бердюгиным рассмеялись.

– Ну, Толя... Ну, Анатолий Максимович... Надо же такое придумать. Экспромт получился на славу.

– А как ещё этих охламонов объе... горить?

Посмеявшись, Бердюгин направился к сейфу.

– Надо прибор настроить. Вы мне сейчас поможете.

Игорь Васильевич открыл сейф и вынул футляры. Феокистов принял их и положил аккуратно на стол. Обращался с ними, как с чем-то бесценным, волшебным.

Бердюгин достал из-за сейфа штатив для фотоаппарата и стал устанавливать его на то место, куда показывал прежде, у двери возле окна. Привернул на него небольшую площадку.

– Несите сюда прибор.

Феокистов взял со стола футляры и поднёс. Бердюгин вынул трубу и прикрепил её к площадке ремешками. Затем стал монтировать к трубе поданную Анатолием половину бинокля. Вернулся к сейфу и извлёк из него небольшой продолговатый прямоугольный предмет – электрический понижающий напряжение выпрямитель. Поставил его на подоконник, подключил от него провода вначале к сети, потом к прибору.

– Ну вот, и готово. Сейчас мы настроим его на то место, где мы с вами сидели. Так. Садитесь.

Феокистов прошёл и сел за стол. Бердюгин некоторое время устанавливал прибор, поворачивая его из стороны в сторону на штативе. Потом замер, настраивая резкость. Феокистов настороженно наблюдал за ним.

– Ну что же... Кажется, вы безгрешны, – сказал Бердюгин. – Над вашим челом нет ни одной души убиенного. Нет грехов.

– Что вы имеете в виду?

– Убийства, смертей...

– Есть, – не согласился Феокистов. – Одна. При задержании два года тому назад убил одного мокрушника. Он меня тогда тоже ранил. Меня и моего товарища, Мишу Михалева.

– Помню тот ваш случай, сам оперировал вас и Михаила, – сказал Бердюгин и стал смотреть продолжительнее. Потом поднял голову и отрицательно покрутил ею. – Нет, Толя, если верить аппарату, то на вас нет греха.

– Как нет! Я ж его сам...

– Нет, Анатолий, не вы. Видимо, кто-то другой. У вас голова чистая. Так, легкий ореол...

Анатолий несколько обрадовано и в то же время недоуменно посмотрел на доктора и на прибор.

– Неужели Миша?.. Он же сам был тяжело ранен.

– Ну, чего не бывает... Теперь, давайте, я сяду.

Бердюгин прошёл к столу, Феокистов – к прибору, чему-то улыбаясь: от проведённого опыта на душе как будто бы стало легче.

Феокистов припал к прибору, лицо его начало вытягиваться.

– Ничего не понимаю!.. – удивленно проговорил он.

– Что? – спросил Бердюгин.

– Над вашей головой, словно нимбы из нескольких колец...

– Хм. Вполне возможно, – спокойно ответил Бердюгин. – Ведь для многих умерших я последний, кто прикасался к их телу, к трупам... Вот оттого-то, наверное, у меня так часто болит голова, порой, её как будто бы обручем стягивает, или веревочной петлей, – пожаловался он.

В коридоре послышались шаги, стук кованых сапог.

– Идут! – полушепотом сказал Феокистов. – Я у окна, а вы их принимайте. Заговорите их чем-нибудь из сверхъестественных сил, религией. Бывают, мол, случаи... ну и так далее.

– Хорошо, хорошо...

Стоя у окна, Феокистов принял задумчивый глубокомысленный вид.

Вошли Шалыч и Галимханов. Оба обеспокоенные, в глазах тревога, вопрос. Феоктистов, скрестив руки на груди, медленно повернулся от окна к ним.

– Проходите сюда, товарищи. Садитесь, – пригласил Бердюгин, показывая на стулья, один из которых освободил сам.

Гости прошли, не сводя встревоженных глаз с обоих присутствующих.

Бердюгин, отойдя от стола, прохаживаясь, начал разговор.

– Вы, пожалуйста, уж не сетуйте на меня. На нас... Но иногда в нашей жизни происходят такие чудеса, которые объяснить не сразу возможно... Вы культурные люди, прочитали немало книг, наверно, знакомы с такими примерами из классической литературы, когда умершие вдруг начинают подмигивать или улыбаться, или даже кривить рожицы. Иногда даже поднимаются из гроба. А если взять примеры из Гоголя, там покойники даже летают в гробах, устраивают оргии. Есть случаи, когда слышат в доме голос покойного. А есть случаи, когда убиенные каким-либо образом пытаются указать на своих убийц: то ли жестом, то ли взглядом, то ли...

– Вы чо?.. Вы хотите сказать, што этого человека мы убили? – остановил доктора Саша. Лицо его побледнело, но хладнокровие не покинуло.

– Я, молодой человек, ничего не хочу сказать. Это скажет следствие. Я только хотел бы вас предупредить, что если вы, подойдя к покойнику, вдруг обнаружите на его теле что-либо необычное, то не пугайтесь. Ибо природа и Господь Бог ведают, что творят. Это мы не можем предугадать, а им... – Бердюгин многозначительно поднял палец и возвел к потолку глаза, словно священник на молебне.

За время его беседы, Феоктистов прошёлся дважды вдоль окна к стеклянному шкафу. Прохаживаясь, подошёл и к прибору. С любопытством обывателя осмотрел его. Даже коротко припал к нему глазом, оторвался. Встал, привалившись задом к подоконнику и посмотрел на собеседников. Потом, улучив момент, вновь припал к прибору.

Над Бахашкиным алел слабый нимб. Он чем-то напоминал нимб, который был над Бердюгиным, но слабее. Это насторожило Феоктистова.

Анатолий перевёл прибор на Галимханова и... позабыл про Бахашкина. Над головой Галима алел оранжевый шар и, что самое удивительное, в нём были видны глаза. Казалось, они излучали пучки света негодования и возмущения, направленные в затылок Галимханова. Анатолий заволновался, на лбу выступила испарина. Он оторвался от прибора и с шумом выдохнул.

Бердюгин глянул на него и поднес ладонь ко рту: спокойно!.. И тут же проделал пальцами движение, напоминающее вытирание уголков рта. Феоктистов понял его предупреждение и повторил выдох уже с безобидно-задумчивым видом. Отвернулся к окну.

– Вы верите в Бога? – спрашивал Бердюгин милиционеров.

– Ха! Чё в него верить? Эти сказки нам ещё в школе разъяснили. Нет Бога, – парировал Галимханов.

– А Аллах?

– И Аллаха нет.

– А вы? – обратился Бердюгин к Бахашкину.

Тот пожал плечами неуверенно и растерянно. Он чутьём потомственного охотника угадывал опасность.

– А жаль. В Бога надо верить. Но если даже не верить, то хотя бы носить в себе извечные Христовы истины: не убий, не укради, возлюби ближнего, как самого себя... Вам эти истины известны, ведомы?

Бахашкин было закивал головой, Галимханов вдруг вскипел.

– Доктор! Вы зачем нас сюда выдернули? А? Аллилуйя нам читать?..

Феоктистов, после знака Бердюгина, через некоторое время вновь припал к прибору. При более продолжительном просмотре увидел не только глаза над головой Галимханова. Когда тот в раздражении повернулся к доктору, и голова его стала в профиль, то за ней отчетливо проявился профиль головы обваренного!

И это уже была голова с очертаниями лица пострадавшего, со шлейфом оранжевых волос, с постепенным низведением их в пустоту. А лучи, исходившие из глазниц, как две узкие яркие струи света, били ему прямо в затылок. Создавалось такое впечатление, что они пытаются прожечь его, но лишь искрами рассеивались от чёрной оболочки головы Галима, как от каски. Похоже, эта броня была не прожигаемой.

“Неужели такое может быть?! – Прошептал пораженный Анатолий. – Чу-де-са!.. Убийца! Вот он, убийца! И с железобетонным черепом”.

Феоктистов оторвался от прибора и повернулся к окну, чтобы успокоить волнение. Потом пришёл на помощь Бердюгину, незаметно сделав тому знак: подойти к прибору...

– Так говоришь, для тебя Бога нет, и Аллах тебе не авторитет?.. – не спеша, проходя по периметру кабинета, спросил Анатолий.

Галимханов уставился на него с подозрительностью.

– А жаль. Кому-кому, а тебе, Галим, надо было бы перед кем-то из них покаяться.

– С чего это вдруг?

– Грехов за собой не чувствуешь, что ли?

– Хм. Может док или ты попы, а нам перед вами исповедоваться?

Доктор, прохаживаясь по кабинету, проговорил:

– Я, молодой человек, в священники не гожусь. На моей душе грехи есть. Хирургу, похоже, невозможно без них. А вот вам, как говаривал незабвенный Феликс Эдмундович, нужно обладать холодной головой, чистыми руками, и горячим сердцем. Вы уж извините меня, что я вам напоминаю прописные истины...

– А что тут извиняться? – прервал доктора Анатолий. – Всё правильно... – обратился к Бахашкину. – Шалыч, прежде чем Игорь Васильевич вас впустит в анатомку, давай поговорим по душам. Ты же не первый десяток в органах, и понимаешь, что бывает с теми, кто превышает свои права, полномочия, – узкие щелочки глаз бурята дрогнули в тревоге. – Поэтому давай на прямоту. Прежде, чем задержанного определить в душевую кабинку, ваш док осматривал его?

Наступило молчание. Глазки бурята забегали, то на Галимханова, то на Феоктистова. Он заводил руками по икрам – на казанках пальцев тёмные от йода ссадины. Заметив на них взгляд Анатолия, Шалыч смутился и спрятал кисти рук меж ног, как кокетка.

– Да нет, кажись... – ответил он неуверенно.

– Ты чо мелешь?! – воскликнул Галимханов. – Осматривал!

– Хм. И какую же он определил степень опьянения?

Друзья переглянулись.

– Мы не знаем... Он знат... – заговорил Шалыч.

– Шалыч...

– Да чо ты к нему пристал? Малина получила от нас все необходимые показания. Ей заниматься должностными нарушениями, а не тебе.

“Ага, Галим нервничает, пытается сбить разговор”. Феоктистов продолжительно посмотрел на Галимханова, с насмешливым прищуром, с ехидцей.

– Што смотришь, как Ленин на буржуазию? – спросил Галимханов с раздражением.

Анатолий усмехнулся.

– Слушай, Саша, в вашем деле нарушением и не пахнет.

– А чем же?

– Преступлением. Уголовщиной. Удивляюсь я твоей наглости. Здорово же ты в ней поднаторел в своём вытряхвителе.

– Неушта? – хмыкнул Галимханов.

– Почему "неушта". Очень даже ушта. Шесть лет назад ты был совсем другим. Весёлым, простодушным, порядочным, можно сказать, парнем. А сейчас?.. Озлобленность, наглость, дерзость и, что самое отвратительное, безответственность. От безобидной шалости, таких, как обирание пьяных, до убийства...

– Какое обирание? Какое убийство? Ты, Граф, говори, да не заговаривайся!

– То, что вы, кроме должностного оклада, ещё прирабатываете тем, что изымаете у своих пациентов грóши, мне тут не надо и доказывать. У вас это обыденное дело. Вас в вытряхвитель это и притягивает. По крайней мере – тебя. К вам ведь туда целая очередь на работу. И людей-то подбирают послушных да покладистых. На чем наживаются, а! Крохоборы.

– Граф, слушай, я ведь не посмотрю, что ты следак. Могу съездить и по морде вашей светлости.

– По морде?!. Но ты! Ты сейчас имеешь дело не со своим подопечным. Я-то тебе живо руки пообломаю по самые лопатки, и штанишки поддержать будет нечем.

Феоктистов покраснел от ярости. Галимханов отвёл от него глаза и потупился. Но, ещё не сдаваясь, пробубнил:

– А чо оскорбляешься?.. Ишь, начальник большой стал. Счас начальник, а как надо кого из знакомых выручать из вытрезвлюхи, так сразу ко мне: "Саша, надо... Саша, без записей, – передразнивал Феоктистова. – А то у мужика на работе неприятности будут. Саш, будь другом..." А счаза вот как на друга наезжает.

– Так вы ж, идиоты, без разбора гребёте. Вон, как этого, что сейчас в секционной лежит. Угробили ни в чём неповинного человека. Хоть бы пьяный был...

– Как?!. – вскинулся Бахашкин, подскочив, как будто его ушипнули или подрезали из-под низу, и медленно осел на стул. – Пошто: хоть бы пьяный был? Он и был пьяный!

– А ты его обнюхивал? Или ваш доктор?.. Сейчас получили анализ крови – алкоголь отсутствует. А при вскрытии установлен – инфаркт.

Бахашкин и Галимханов вытаращили на него глаза.

– Так что, Шурик, перефразируя известных авторов: пилите гири, то есть – ищите алиби. Да такие, чтобы они были весомее самой смерти человека.

Бердюгин отошёл от прибора взволнованным. Феоктистов глянул на него и незаметно показал кулак с оттопыренным вверх большим пальцем: класс!..

К их обоюдной радости ни Шалыч, ни Галимханов не заинтересовались прибором. Им стало не до него. Хотя поначалу у Галима возникало желание, если не посмотреть в эту штуковину, то спросить о ней. Забыл. Всё из башки выскочило к чертям!

– Так это... Инфаркт может случиться и сам по себе? – проговорил Саша изменившимся голосом. В горле у него пересохло.

– Да, – ответил Бердюгин, – может. Но в данном случае ему предшествовали нервные стрессы, и самые, видимо, серьёзные – это физические страдания, которым он подвергся.

– Вы так думаете или у вас есть доказательства?

– Почему же думаю? Я знаю. Об этом вам скажет любой хирург, терапевт.

– А... а... – заикался Саша, – судебно-медицинская экспертиза? Как она?..

– Уважаемый, вы не извольте беспокоиться на этот счёт. Заключение медэкспертизы скоро будут готовы. Собственно, они уже почти готовы, и Анатолий Максимович скоро будет иметь один из этих экземпляров.

– Ты удовлетворен ответом? – жёстко спросил Феоктистов.

Галимханов неуверенно дёрнул плечом. Он и Бахашкин были сбиты с толку и подавлены.

– Ну, раз так, мы вас больше не задерживаем. Можете быть свободными. Пока свободными, – многозначительно сказал Феоктистов. – А на счёт татуировки – я пошутил. Идите.

Шалыч и Галимханов тяжело поднялись и направились к выходу. У входа Бахашкин отчуждённым, растерянным взглядом обвёл прибор на штативе и вышел, как оглушённый.

– Удивительно! – воскликнул Бердюгин, как только милиционеры вышли и закрыли за собой двери.

– Потрясающе, Игорь Васильевич! Я чуть было не закричал от увиденного. Игорь Васильевич, какой вы умница! Примите мои поздравления. Это же переворот в криминалистике. Это ведь почище всяких детекторов лжи!

– Да, Толя, признаться, я это и хотел увидеть.

Феоктистов схватил руку доктора и с жаром потряс её.

– Я просто не нахожу слов, Игорь Васильевич. Одним словом – гениально!

– Спасибо, друг мой! И всё-таки не шибко... зазнаюсь.

Оба рассмеялись.

– Толя, вы всё поняли? Кто есть кто?

– Да! Шалыч косвенно причастен, надо полагать. Нимб над его тыквой слабый. А вот Галим!.. Ему душа убиенного жжёт макушку. Он убийца!

– Ну, вот теперь, Анатолий Максимович, дело за вами: удастся ли вам установить виновность Галимханова? Тем самым – подтвердить наш эксперимент судебным решением.

– На это, думаю, много времени не потребуется.

– Только, Толя, пожалуйста, без горячки. Тут, понимает, нужна скрупулёзная обработка дела, деталей. Ведь ваша работа потом ляжет в основу научного доказательства. А если наше с вами доказательство будет слабым, то вся работа будет низведена на нет. Это, – показал на прибор, – останется лишь забавной игрушкой. Если ещё останется? Понимаете?

– Игорь Васильевич, дорогой, я всё прекрасно понимаю и разделяю ваше беспокойство. Но факт преступления очевиден, и я все детали следствия уже вижу. – Бердюгин утвердительно кивнул. – Сейчас мне нужен Вася Мизинцев. Он как, в состоянии будет со мной встретиться?

– Думаю, что да. Но говорить он вряд ли с вами сможет. Больше мычать да шипеть.

– А писать?

– Писать, пожалуй. Руки ему не отбили.

– И с медбратом тоже надо повстречаться.

– Ну, с этим проще. Его, наверное, отпустили.

– Вот это плохо. Его надо срочно перехватить!

– Я сейчас позвоню в приёмную и узнаю... – оживился Бердюгин и поспешил к телефону. Набрал номер. – Кто?.. Маичка, где Глотко?.. Уехал вместе с милиционерами. Ну что же, спасибо, Мая. – Положил трубку и повернулся к Феоктистову.

– Жаль, – проговорил Анатолий. – Тогда я пошёл к Мизинцеву.

– Я вас к нему провожу. Только уберу прибор. Кстати, подумайте, как нам назвать его?

– Как! А у вас разве нет названия? – Феоктистов подошёл к доктору и стал помогать ему.

– Есть. Но думал, может вы, что-нибудь своё подскажете.

– Я даже не знаю... Скажите, какое вы ему дали название?

– Ультрафен.

– А что?!. Красиво. Вон, какие причёски наводит!

Оба засмеялись.

В подземном переходе им встречались люди, в основном женщины в белых халатах. Бердюгин здоровался с ними, слегка кивая головой. Не заходя в “приёмный покой”, вышли к лестничному маршу. Поднялись на второй этаж. Войдя в двухстворчатую дверь, попали в холл.

– Игорь Васильевич, нельзя ли пару-тройку листиков бумаги и ручку в ординаторской прихватить? – попросил Анатолий.

– Сейчас, подождите, – Бердюгин повернул налево и по мягкой бордовой дорожке прошёл в ординаторскую.

Полы в холле были застелены ковровыми дорожками, паласами, у окна – ящики с цветами. В левом углу стоял телевизор на чёрной тумбочке. У окна, под высоким цветком, журнальный столик с медицинскими журналами, газетами, брошюрами. Справа – кожаный диван и несколько стульев. Обстановка мягкая, располагающая к отдыху. По периметру зала стояли и сидели несколько больных: у кого на руках, у кого на ногах аппараты Илизарова. Больные тёплыми взглядами встречали Бердюгина.

Феокистов с интересом осматривал больничную обстановку, в которой два года назад привелось быть в качестве пациента. В интерьер холла добавилось несколько цветов, их стало больше. На окнах зеленоватые портьеры.

Из ординаторской вышел Бердюгин, держа в руке листки писчей бумаги и ручку с автоматическим пером. И они вместе направились в палату.

Палата была четырехместная. В ней кроме Мизинцева никого не было. Он лежал у окна, и солнце, заливая ярким светом палату, согревало своими лучами больного сквозь простыню, под которой тот лежал. Мизинцев смотрел на вошедших, но бледное лицо в черных кровоподтеках под глазами и в ссадинах, не проявляло к ним никакого интереса.

Они подошли к кровати. Бердюгин пояснил:

– Он после уколов, местной анестезии. Пожалуйста, недолго, – и оценивающе оглядел больного.

Феокистов понимающе кивнул и, когда врач ушёл, положил на тумбочку принесённые с собой листы бумаги и ручку.

– Привет, Васёк! – сказал он и присел к нему на край кровати. – Ну, как ты?

Мизинцев что-то хрюкнул в нос и вздохнул.

– Да-а, – сочувствующее покачал головой Феокистов, оглядывая его. – Здорово тебя отделали. Кто так постарался? Только не говори, что это у тебя наследственное.

На глазах парня заблестели слезы.

– Ну вот, значит, я правильно понял: тебе больно об этом вспоминать. Но ещё больнее будет, если ты не расскажешь, как всё произошло? Это раз. И второе – кто делал тебе столь впечатляющий макияж?

Мизинцев повернул в сторону голову, и с его глаз скатилась на подушку слеза.

– Василёк, ты не подумай, что я издеваюсь, но если ты и в самом деле будешь утверждать, что ты в пару играл с собственной головой в футбол, катал её по кафельному полу, то... – развёл в стороны руки, – извини, кроме насмешки ты ничего не заслужишь. Поэтому, давай говорить серьёзно. Договорились?

Мизинцев тупо смотрел в окно.

– Договорились, – подытожил Анатолий, принимая его молчание, как согласие. – Так вот, Василёк, дело твоё хоть и омрачено пребыванием в больнице, однако, это не так ещё страшно. Это временное явление. А вот то, что твои друзья-приятели на тебя вешают сваренного, это, браток, посложнее.

Василий повернул голову и посмотрел на следователя выжидающе. Кажется, у этого мальчика светлеет в мозгу.

– Мне кажется, что ты мне ещё не веришь? Ну что же...

Он достал из кармана рубашки два листочка из амбарной книги в полоску, развернул их и подал: читай...

Мизинцев взял показания Бахашкина и Галимханова.

Феокистов не мешал ему, наблюдал за ним. На его лице проступило искреннее сочувствие к парню. "За что же он его так? Мясник", – подумал Анатолий о Бахашкине.

Мизинцев прочитал показания и подал листы обратно. Вновь отвернулся и тяжело вздохнул, сдерживая подступающее рыдание.

– Ну и это ещё не всё. Дело в том, что пациент ваш был трезв. Брали кровь на анализ: алкоголь отсутствует. И умер он от инфаркта. Болен он был ишемией. И то, что вы с ним проделали, привело его к смерти. Убит он вами. Кем конкретно, мне бы и хотелось установить. Если ты после этого... – показал листки, сложенные в четвертинки, – и того, что я к этому только что добавил, возмёшь вину на себя – твоё дело. Вешай себе на шею ярмо. Бери грех на душу...

Мизинцев замотал головой из стороны в сторону, выражая, как видно, протест, хотел было что-то сказать, но зафиксированные челюсти не позволили. Получился стон.

– Тихо-тихо, Василий, лежи и не напрягайся. Я так понимаю, что ты готов обо всём рассказать?.. – Василий простонал. – В таком случае, давай так сделаем. Вот тебе бумага, ручка, и ты подробнейшим образом всё изложишь. Договорились? – Парень стёр с лица слезы. – Подняться к тумбочке сможешь?.. Ну, тогда давай помаленьку. Я тебе помогу.

Анатолий осторожно, за руку, приподнял больного, посадил и подложил под спину подушку.

– Пиши, не торопись. И поточнее, каждая деталь важна. Тебя кто, Галимка отделал?.. Нет, Шалыч? Вот шайтан! Как же ты ему поддался, Василий? Вроде парень не из выболевших?..

Изо рта Мизинцева послышался шипящий звук, похожий на "жж..."

– Неожиданно?

Тот кивнул. Феокистов усмехнулся.

– Ну, как же, начальник. Положено. Вы ж у него крепостные. Ударил по правой щеке, подставь левую. Уважить надо, а то как же. Я заметил на его казанках сбитые места. Бил насмерть.

Мизинцев непроизвольно издал стонущий звук.

– Хорошо-хорошо, не буду. Пиши. Я пока пойду, покурю. Кстати, у тебя есть курево?.. Я тебе оставляю.

Достал пачку "радопи", одну сигаретку выдернул себе, пачку бросил на тумбочку.

– Вот. На сегодня хватит, а там, поди, друзья-сотоварищи позаботятся.

По телу Василия прошла холодная дрожь, он поёжился.

– Ну, пиши, не буду мешать.

Анатолий ушёл. Мизинцев нехотя взял ручку.

11

Феокистов заглянул в ординаторскую, спросил:

– Я могу видеть Игоря Васильевича?

Ему ответил молодой доктор.

– Он у завотделения Пежемского.

Анатолий прошёл дальше по коридору. Открыл следующую дверь с дощечкой под стеклом "Заведующий отделением".

В кабинете находились двое: заведующий, почтенного возраста человек с пышной курчавой шевелюрой, приплюснутой сверху плешиной, и Бердюгин. Игорь Васильевич, завидев Анатолия, поднялся и пошёл ему навстречу.

– Что у вас? – спросил он, прикрывая за собой дверь.

– Пишет, – ответил Феоктистов, кивнув на палату. – У меня к вам просьба, Игорь Васильевич. Поскольку у меня появилось время, не могли бы вы организовать мне телефончик? Но так, чтобы я мог поговорить без свидетелей.

– Понимаю. Пойдёмте к старшей медсестре. Она человек с понятием, я думаю, разрешит.

По мягким дорожкам прошли вглубь коридора к окну. Бердюгин постучал в дверь, на которой была прикреплена дощечка “Старшая медсестра”.

– Да, войдите, – послышался женский голос за дверью.

Мужчины вошли. В кабинете за столом, повернувшись к вошедшим, сидела женщина средних лет. На голове её возвышался высокий русский шиньон. Он делал её старше, серьезнее, как заметил Анатолий, – монументальной женщиной. Гроза медперсонала, как помнится в своё прошлое лечение.

– Клавдия Сергеевна, познакомьтесь. Следователь уголовного розыска, Феоктистов Анатолий Максимович.

Женщина кивнула и продолжила смотреть на доктора.

– Клавдия Сергеевна, пожалуйста, не в обиду...

– Нужен телефон? – перебила женщина. – Пожалуйста.

Она поднялась, кивнула следователю на телефон и, взяв Игоря Васильевича под руку, вместе с ним вышла из кабинета.

Феоктистов достал записную книжку и, подойдя к столу, снял трубку телефона. Набрал номер.

– Аллё, это ЛОУТ?... Пожалуйста, Шпарёву Юлию Петровну... Ах, это вы. С вами говорит старший следователь уголовного розыска, капитан Феоктистов Анатолий Максимович, – он присел на стул.

– Очень приятно. То есть слушаю, – послышался в трубке торопливый голос.

– Я звоню вам по поводу вашего заявления. С того времени, как вы подали его и до сего дня, у вас что-нибудь изменилось?

– Нет.

– Значит, заявление остаётся в силе?

– Да-да, пожалуйста! Я прошу вас, – Шпарёва, похоже, прикрыла трубку рукой, голос стал звонче, вибрирующий, готовый сорваться на рыдание.

– Юлия Петровна, спокойнее...

– Хорошо-хорошо.

– Юлия Петровна, мне необходимо встретиться с вами.

– Когда угодно... Но желательно не на работе.

Феоктистов посмотрел на часы на руке.

– Сейчас шестнадцать двадцать. Вы, до какого часа работает?

– До шести.

– Если не возражаете, то давайте в часу, скажем, седьмом, и... – и, сам того не ожидая, предложил: – у вас дома, удобно?..

– Да, вполне. Я в половине седьмого постараюсь быть, и буду вас поджидать. Подходите.

– Договорились. Я с вами не прощаюсь.

Феоктистов положил трубку и болезненно поморщился: зачем?... Перед глазами вновь возникла славненькая девчушка в коротенькой юбочке, с загорелыми ножками, по которым... Он тряхнул головой, но наваждение не проходило. Виноватые влажные глаза, доверчивая, мягкая улыбка... Он глубоко вздохнул. "Совсем девчонку засмущаю. Может притвориться, сделать вид, что впервые вижу?" – спросил он себя и забарабанил пальцами по столу. И хоть испытывал смущение за своё неожиданное решение – появится у девочки дома – подсознательно же его влекло к ней, и этому импульсу он не смог противостоять. Какое-то наваждение...

В палату вошёл Бахашкин. Он был в белом халате, накинутом на плечи. Вошёл тихо, словно подкрадывался или изображал из себя виноватого и покорного зверя.

Мизинцев обернулся на слабый стук двери и испуганно засуетился, хотел было спрятать листы в тумбочку, и это ему почти удалось. Однако Бахашкин заметил его суетливость, насторожился.

– Прифет, Васса!

Тот достал из-под себя подушку, положил её в изголовье и прилёг. На приветствие Шалыча не ответил.

Шалыч с кошачьей осторожностью подошёл к кровати, посмотрел оценивающе на Василия. На смуглом лице посетителя не промелькнуло и тени сочувствия. Однако он заботливо спросил:

– Ну, как ты, Васса?.. Вот пришёл тебя попрафедать. Принёс тебе тут кое-что. – Показал сетку. В ней находилась литровая банка томатного сока, две бутылки "нектара" с мякотью, две плитки детского шоколада и несколько пачек дешёвых сигарет "дымок".

– Тебе куды это все положить, а?..

Шалыч наклонился к тумбочке. Вася резко приподнялся на локоть, намериваясь рукой придержать верхний ящичек. Однако рука Бахашкина преодолела её сопротивление и открыла ящик. Он увидел исписанные листы. Запустил руку вовнутрь, сгреб их в горсть, и отшагнул к окну.

На подоконнике аккуратно кулаком разгладил, поднял к глазам писанину и начал читать. Он загородил собой солнечный свет, и на Мизинцева ложилась его тяжёлая тень.

Василий со страхом следил за Шалычем. Глаза его тревожно бегали по палате, ища защиты, натыкались на дверь, поджидая Феоктистова. Наконец он сбросил с ног простыню и, перекатившись через соседнюю кровать, попытался выскочить из палаты.

– Стой, сабака! – послышался сзади резкий голос Шалыча, и стук сапог.

Бахашкин настиг Мизинцева у двери и, схватив за шиворот за пижаму, рывком дернул назад. Вася, едва не падая, провыл что-то, пытаясь звать на помощь. Шалыч зло ткнул ему в спину кулаком, и тот, пробежав по палате, спрятался за свою кровать. От страха он потерял над собой контроль и ещё немного полез бы под кровать. Бахашкин вновь поймал его за шиворот.

– Васка, ты пошто такой дурак, а?.. Большой, а соображая нету.

Он ещё раз ткнул его, но уже в грудь, и Василий упал на постель. У Бахашкина, и без того плоское смуглое лицо потемнело ещё больше, и казалось, округлилось, в щёлочках глаз засверкал дикий блеск. Мизинцев с ужасом смотрел на него.

– Васса, мы с тобой как дагаваривались, а?.. Я тебя об чём просил, а?.. Ты меня што, живьём закопать хош, да, гнида?.. – шипел Бахашкин. Он медленно присел на кровать и обеими руками, как коршун, нацелился на горло Мизинцева.

– Нет! Нет!.. – сипел стянутыми челюстями Вася, пытаясь выползти из-под Шалыча.

Короткие толстые пальцы на мгновение замерли над лежащим, потом собрались в кулаки. Один из них опустил на голову парня.

Палата встряхнулась, и потолок навалился на больного...

Мизинцев пришёл в себя от боли в челюсти, от шлепка по щеке. Шалыч приводил его в чувства.

– Ва-аска, извини, не хотел я. Прости, дарагой. Совсем нерва ни к черту... Совсем больным сделался... – бормотал Бахашкин чуть не плача. – Вот работа, пропадай она в пропасть. Васка, прости, а? Я ж тебя люблю, сабаку такую. Ты вспомни, как я тебя любил, а? Тебя больше, чем Сашку. Тебе и карманных старался больше давать. Так, да?.. Я себе того не отстегивал, што тебе отдавал. Вот честна слово! – приложил руку к груди... – Любил я тебя, ага. Ну, побил

маленько, так это не со зла, однаха, нерва. Ох-хо! – вздохнул тяжело. – Пойми меня, однаха. Не хотел я. Получилось так... Дома папа, бывает, тоже побьёт детей, так и што? На каждый поджопник внимания обращать, да?.. Злиться, да?.. Заживёт, Васка, и мы опять будем вместе работать. И я опять тебя любить буду. И получать ты теперь больше будешь, чем раньше получал. А? Васса?.. Зачем на меня пишешь рапорт, а? Неужто у тебя совсем совесь пропала, а?.. Вспомни, как ты ко мне просился, а? Я ить тебя принял. А мог бы и другова, аха. Вас вона сколь желающих на рупь дармовой. Худо ли по окладу, а то и боле ишо прирабатывать, а?.. Пьяных-то вона сколя в городе. За месяц сотни-полторы, и по десятке с каждого хотя б, а? Однаха, неплоха, а?.. Васка! Будь и ты шелоवेком, а?.. Не пиши, не надо. Давай я это порву, а ты больше не пиши, аха? – Бахашкин скомкал листочки, сломал ручку и всё это засунул себе в карман галифе. – Так она лучше будет, аха?.. Но-о, Васса, если ты будешь сукой, я тебя... как паута: на шею петлю надену, а в жопу соломку вставлю. Ох, и высоко ты у меня запорхаш.

Бахашкин закрутил пальцем и повёл рукой снизу вверх, изображая полёт насекомого. На грубом лице бурята промелькнула шальная усмешка. Мизинцев закрыл глаза.

– Так ты, Васса, понял об чём я прошу, а?

Мизинцев согласно затряс головой.

– Смотри, паря, если што, я тебя везде найду... Говори всем, што падал. Мордой об кушетку, об пол убился. Темно было, туман был, плохо видел. Аха, а?

Мизинцев тряс головой. Но глаза его постоянно косились на дверь. Он ожидал появления Феоктистова, того же, как назло, не было. Вот так всегда!..

Василий боялся. Очень боялся. Но даже ни самого бурята, а боли. Ту, которую он пережил, ему хватит до гроба. А Вася до жути не хотел её повторения. Ему нужна передышка, и он готов её заполучить любыми способами: унижением, слезами, согласием на любые сделки. Но уж потом... Потом будет праздник и на его улице. И уж какой праздник!

Он уже представлял, что первый выстрел из пистолета он сделает буряту в правую ключицу. Шалыч первый удар нанес правой рукой. Второй выстрел – в ногу, и тоже в правую. И третий, контрольный – в голову. Но последний после того, как насладится его муками...

– Ну, раз так, то вот: пей, ешь, куры, – обрадовано заговорил Шалыч. – Мало будет, я потом ишо принесу. Я скоро потом приду, аха, попрафедую... Саша тебе прифет передавал, однаха, забыл было. Совсем с ума с вами выжил... Ну ладно, я пошёл. Машину нельзя долго держать, понадобится скоро может. Вечер скоро, ага. Работать надо. И за тебя трудица будем, аха. Деньги зарабатывать. Выдешь с больницы, а у тебя уже вот такой карман будет.

Шалыч поднял ладонь над карманом галифе и, показав ею окружность над ним, засмеялся ободряюще. Жёлтые зубы сверкнули в оскале. Подхихикивая, словно сбrehивающий пёс, взял в обе руки безвольную руку Мизинцева и, осторожно потрясывая её, попрощался:

– Пока, Васса. Не скучай и паправляйся. А на меня не сердиса. Я побил, я и пожалею. Будь хорошим шеловеком, а не сабакой, и я к тебе буду хорошим. Я ить тебя, как сынка полюбил, аха.

Он наклонился, готовый поцеловать парня, но передумал.

– До свиданя, Васса. Лечиса.

Ушёл косолапой, покачивающейся походкой, словно с тяжёлой ношей на плечах.

Солнце ослепило бледное лицо Мизинцева, его слезившиеся глаза, подрагивающие губы. Он с облегчением вздохнул.

"Так. Вернёмся к нашим убийцам. Что-то я хотел? – мысленно спросил себя Феоктистов.

Взгляд его был направлен на репродукцию с картины Васнецова, что висела на стене над столом. На ней добрый молодец увозил девицу на сером волке. "Хороший волк, в любви

знает толк..." – усмехнулся сам себе, – поэт! – взгляд его опустился на календарь, напечатанный ниже картины, и остановился на цифре тринадцать. Тринадцатое... Мнда, веселый денёк, ничего не скажешь.

Достал записную книжку и стал просматривать её. На страничке с пометкой "медвытрях", нашёл запись и оживился.

– Ага, позвонить в ЖЭК! – снял трубку и набрал справочное города. После справочного, набрал номер ЖЭКа.

– Аллё! С вами говорит старший следователь уголовного розыска, капитан Феоктистов. Девушка, будьте любезны, скажите, какой участок обслуживает район, где располагается медвытрезвитель?.. В таком случае дайте мне номер телефона главного инженера... Ну, хорошо. Начальника ЖЭКа. Так... – записал. – Спасибо, – хотел было вставить какую-нибудь шутку, комплимент секретарше, но в трубке запикали кроткие гудки. – Хм, как автоответчик...

Набрал новый номер. Длинные гудки. Положил трубку и вновь стал листать книжку. Наткнулся на запись – "утопленник".

– Вот черти! Совсем утопленника выбили из головы.

Поднялся и быстрым шагом вышел из кабинета.

В коридоре стояли две женщины: старшая медсестра и незнакомая женщина в белом халате.

– Клавдия Сергеевна, где сейчас Игорь Васильевич? – спросил он.

– Спустился вниз. Наверное, в анатомке, – ответила хозяйка кабинета.

– У вас есть её номер телефона?

– Да, там в справочнике. По местному, сангородскому.

Феоктистов поспешил обратно в кабинет. Отыскал на столе между бумаг справочник. Нашёл в нём нужный номер.

– Игорь Васильевич, извините. Я совсем забыл, у меня ведь ещё к вам есть дело. К вам сегодня привозили утопленника?.. Так. Что вы можете сказать по нему?.. Так. А где он сейчас, в холодильнике?.. Это какой день пошёл, как он умер?.. Ага, Игорь Васильевич, а что если сейчас на нём продолжить наш эксперимент?.

И услышал встревоженный голос Бердюгина.

– Толя, если у вас есть время, то спускайтесь сюда. Здесь поговорим. По телефону не надо.

– Хорошо! Бегу. Только сделаю один звонок.

Но телефон начальника жилищно-коммунального участка молчал. Феоктистов с сожалением положил трубку и направился из кабинета.

14

В анатомке его поджидал Бердюгин. Он был одет в тёплый синий байковый халат.

– Вам, Толя, придётся одеться потеплее. В холодильнике прохладно.

Снял с вешалки такой же, как на нём, халат и подал Феоктистову. Прошёл к сейфу, открыл его и достал футляры с приборами. Анатолий без напоминаний взял туб, и они направились из кабинета.

Ионовый свет, льющийся с потолка, освещал холодильник. Большое, облицованное кафельной плиткой помещение. На широких лежаках лежали три трупа, двое мужчин и одна молодая женщина.

У всех на животах большие продолговатые разрезы. Они были сшиты нитками.

На свободном лежаке доктор смонтировал ультрафен, подключил его к батареям, лежащим в кармане.

Анатолий стоял и смотрел с сочувствием на труп женщины.

– Жаль. Молодая... Могла бы сколько нарожать. А сколько принести радости мужикам. Муж-то есть?

– Не знаю. Наверное. Кто-то же принёс для неё одежду. В пять часов должны забрать. Кстати, я Филипповича отослал, скоро должен вернуться. Поторопиться надо... Берите ультрафен. Смотрите... Вон, на дальнем лежаке, посиневший...

Феоктистов поднял прибор и направил его на труп. Над ним было точно такое же оранжевое свечение, какое он видел над обваренным, только вдвое выше, и пульсация более ритмичная, глубокая. Над головой нет красного оттенка и “сердце” лишь слегка потемневшее. Под потолком висел грустный образ утопленника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.